НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА
СОЛДАТА

В. Н. Ашурков

С. И. МОСИН
СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ ВИНТОВКИ

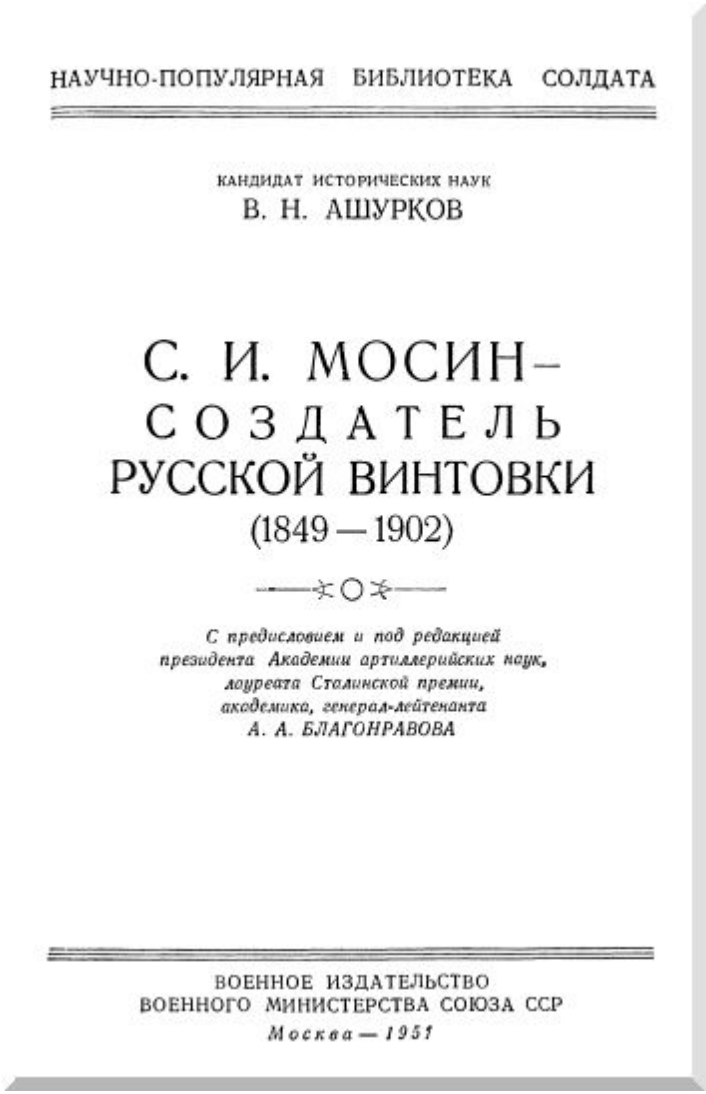
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Талантливый русский изобретатель — конструктор-оружейник Сергей Иванович Мосин создал русскую трёхлинейную винтовку образца 1891 г. Эта винтовка с честью выдержала все боевые испытания, выпавшие на её долю.

- В. Н. Ашурков
  -
  - Предисловие
  - I. Детство и отрочество (1849–1867 годы)
  - II. Военная служба (1867–1872 годы). Академия (1872–1874 годы)
  - III. Начало изобретательской деятельности. Конструирование трёхлинейной винтовки (1875–1891 годы)
  - IV. Организация производства винтовки (1891–1897 годы). Последние годы жизни (1897–1902 годы)
  - Заключение
  - Список основных источников, использованных в работе над брошюрой

В. Н. Ашурков
С. И. Мосин — создатель русской винтовки (1849–1902)



НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
В. Н. АШУРКОВ

С. И. МОСИН–
СОЗДАТЕЛЬ
РУССКОЙ ВИНТОВКИ
(1849 — 1902)

С предисловием и под редакцией президента Академии артиллерийских наук, лауреата Сталинской премии, академика, генерал-лейтенанта А. А. БЛАГОНРАВОВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
Москва — 1951

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ МОСИН

(1849—1902)

Предисловие

Талантливый русский изобретатель — конструктор-оружейник Сергей Иванович Мосин создал русскую трёхлинейную винтовку образца 1891 г. Эта винтовка с честью выдержала все боевые испытания, выпавшие на её долю.

Винтовка С.И. Мосина обладает столь отличными качествами и так прекрасно сконструирована, что в течение 50 с лишним лет подверглась лишь однажды незначительной модернизации в 1930 г. Мосинская винтовка свершила свой длинный путь через ряд войн, в том числе и через Великую Отечественную войну, во время которой она служила советским пехотинцам безотказным оружием.

Ни одному изобретателю за рубежом не удалось достигнуть такой удивительной законченности в конструировании не только винтовки, но и какого-либо другого вида огнестрельного оружия. Достаточно сказать, что в иностранных армиях образцы, современные русской трёхлинейной винтовке, подвергались непрерывным заменам, частичной и коренной модернизации. Известно, что ни одна винтовка в иностранных армиях не смогла так длительно быть на вооружении, как винтовка Мосина, уступая место новым образцам, с которыми тем не менее русская винтовка продолжала успешно конкурировать. Одно это обстоятельство является ярким свидетельством огромных достоинств конструкции винтовки Мосина. Создание русской трёхлинейной винтовки явилось, таким образом, крупным шагом в развитии оружейной техники.

Между тем, имя её создателя С.И. Мосина в царской России оставалось в тени и было осуждено на забвение. В условиях дореволюционной действительности имена талантливых мастеров оружейного дела оставались порою столь же безвестными, как и имена многих других ученых, инженеров, конструкторов.

Бездарные чиновники царской России слепо преклонялись перед всем заграничным, пренебрежительно относились к инициативе и творчеству людей из народа.

Настоящая брошюра доцента, кандидата исторических наук В.Н. Ашуркова, основанная на документальных архивных материалах, неопровержимо доказывает приоритет С.И. Мосина в создании винтовки. Брошюра детально раскрывает историю пренебрежения этим приоритетом со стороны царского правительства и военного руководства дореволюционной России в угоду представителям иностранного капитала.

Весьма подробный и правдивый очерк о жизни и деятельности С.И. Мосина, составленный В.Н. Ашурковым, раскрывает перед читателем историю самоотверженного труда, настойчивой борьбы с многочисленными трудностями, неуклонного стремления к поставленной цели, свойственного конструктору русской винтовки, руководившемуся в своей работе горячей любовью к родине.

Президент Академии артиллерийских наук академик *А.А. Благонравов*

I. Детство и отрочество (1849–1867 годы)

Сергей Иванович Мосин родился 2 (14) апреля 1849 года в селе Рамонь, Воронежской губернии.

** Часто приводимая дата рождения Мосина 23 апреля (5 мая) 1849 г. неверна; согласно записи в метрической книге церкви села Рамонь он родился 2 (14) апреля 1849 года (Воронежский государственный областной архив, фонд Воронежского дворянского собрания, д. № 119, л. 6).*

Отец Мосина — Иван Игнатьевич начал свой нелегкий жизненный путь, вступив на военную службу из воспитанников Московского военно-сиротского отделения. В мае 1827 года И.И. Мосин был уже унтер-офицером лейб-гвардии гусарского полка, позднее отличился в войне против турок и имел боевые награды.

Хотя И.И. Мосин «к повышению чином аттестовался достойным», он только после десятилетней солдатской службы, в 1836 году, получил чин прапорщика и был переведен в 4-й Черноморский линейный батальон, а в 1837 году его произвели в подпоручики. Неизвестно, что побудило И.И. Мосина искать увольнения от службы, но в апреле 1838 года он получил отставку «по домашним обстоятельствам». За И.И. Мосиным — тридцатитрёхлетним подпоручиком в отставке, все образование которого сводилось к тому, что он «российскую грамоту читать и писать умеет и арифметику знает», по краткому замечанию указа об отставке, «имения никакого не состояло». Он после долгих мытарств получил место управляющего имениями и предприятиями крупной помещицы А.И. Шеле в селе Рамонь, Воронежской губернии.

Здесь после долгой службы И.И. Мосин обзавелся семьей. Он вступил в брак с Феоктистой Васильевной (фамилия неизвестна), одной из местных крестьянских девушек. 2 апреля 1849 года у них родился сын Сергей.

Жизнь с ранних лет не баловала мальчика. Едва достигнув четырёх лет, он лишился матери и остался на попечении отца и помещицы Шеле, которая проявила большое участие к ребёнку.

При содействии Шеле Сергей Мосин получил первоначальное образование. Дальнейшая судьба мальчика заботила отца. При отсутствии собственных средств он мог дать ему законченное образование, лишь определив в одно из казённых учебных заведений.

Некоторые возможности к тому имелись. В Воронеже был

кадетский корпус, предназначавшийся для сыновей воронежского дворянства. И.И. Мосин не принадлежал к «благородному» сословию и, чтобы доставить сыну возможность получить образование, сделал попытку вступить в ряды местного дворянства.

В начале 1860 года отставной подпоручик Иван Мосин подал прошение в дворянское депутатское собрание, прося внести его с сыном Сергеем в родословную дворянскую книгу. 5 февраля 1860 года это ходатайство было удовлетворено не без содействия Шеле, покровительствовавшей мальчику.

Теперь 11-летний Сергей Мосин мог рассчитывать на то, что перед ним откроются двери кадетского корпуса. Мальчик переступил школьный порог в тот год, когда «Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими „бунтами“ против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право» (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 5).

К 1 августа 1861 года С. Мосин явился для сдачи вступительных экзаменов в Тамбов, где тогда помещались начальные классы кадетского корпуса.

16 августа 1861 года Сергей Мосин был принят в первый общий класс и зачислен в «неранжированную роту». Так началась для него новая, пока еще непривычная жизнь вдали от отца и приволья рамоньской усадьбы.

Но Мосину пришлось недолго пробыть в Тамбове. В июне 1862 года он перешёл во 2-й общий класс и был переведен в Воронежский кадетский корпус.

Учение давалось Мосину легко. Уже в ноябре 1861 года, после двух месяцев занятий, ему за хорошие успехи были нашиты погоны. По аттестации корпусного начальства, он был «способностей хороших». В мае 1864 года «за весьма хорошие успехи в науках и поведении» Мосин был награждён похвальным листом и подарком.

В «Замечаниях о характере, наклонностях и способностях» Мосина ротный офицер отмечал, что он был способным, скромным, исполнительным, добросердечным, несколько вспыльчивым, однако весьма дисциплинированным мальчиком. Эти черты характера, отчётливо определившиеся в юношеские годы, остались затем свойственны Мосину во всей его последующей жизни.

В 1865 году кадетский корпус (в связи с реформами в военном ведомстве) был преобразован в военную гимназию с широкой программой, близкой к курсу реальных гимназий того времени, с преобладанием точных и естественных наук. Качество

преподавания значительно повысилось. Несомненно, это способствовало тому, что Мосин получил достаточно широкие и прочные знания основ наук.

Последние годы пребывания в гимназии были связаны для С. Мосина с некоторыми семейными затруднениями. Отец по каким-то причинам оставил службу у Шеле и переехал в Тульскую губернию. Сергей на некоторое время потерял связь с отцом. Одиночество несколько скрашивалось дружбой с товарищами по гимназии и напряжённой учёбой. В 1867 году Сергей Мосин с отличием окончил Воронежскую военную гимназию. Он получил хорошую подготовку, а, главное, гимназия, по словам С. Мосина, выработала в нем «способность к труду и веру в свои силы», что так пригодилось юноше в дальнейшем. С теплой признательностью вспоминал впоследствии Мосин годы, проведённые в гимназических стенах.

Рано обнаружившиеся прекрасные математические способности и живой интерес к военному делу предопределили его дальнейший жизненный путь.

II. Военная служба (1867–1872 годы). Академия (1872–1874 годы)

Окончив военную гимназию, Мосин начал самостоятельную жизнь. В царской России без средств и связей в правящих кругах он мог рассчитывать только на свои собственные способности и силы.

12 июля 1867 года Мосин получил назначение в третье военное Александровское училище в Москве и «вступил в службу юнкером», но пробыл здесь недолго. 11 октября 1867 года он был переведён в Петербургское Михайловское артиллерийское училище.

Царское правительство, нуждаясь в подготовленных офицерских кадрах, уделяло внимание специальным военно-учебным заведениям. Михайловское артиллерийское училище являлось одним из лучших среди них. Как воспитанник военной гимназии Мосин был зачислен в младший класс без экзамена и приступил к занятиям с осени 1867 года.

Основным в программе училища был обширный курс математики, по отзыву знаменитого русского математика П.Л. Чебышева, поставленный весьма высоко. Мосин, таким образом, получил серьёзную математическую подготовку, столь важную для артиллериста.

Специальный курс лекций по артиллерии читали лучшие артиллеристы того времени — С.К. Каминский, известный работами о картечницах, и А.А. Фишер, получивший премию за свой полевой лафет с боковым движением станины. Их лекции, неразрывно связанные с самостоятельной творческой работой, будили мысль слушателей, знакомили с современными проблемами артиллерийской науки. Уже тогда у Мосина проявился интерес к артиллерийской технике, который, усиливаясь с годами, привёл его сначала в артиллерийскую академию, а затем к самостоятельной конструкторской работе.

Мосин успешно занимался и в 1870 году был произведён в портупей-юнкеры. В июле 1870 года он отлично сдал экзамены и окончил артиллерийское училище по первому разряду. Мосин был произведён в подпоручики. Получив 21 июля 1870 года назначение во вторую резервную конно-артиллерийскую бригаду, молодой офицер через 10 дней отправился к месту службы. Строевая служба, однако, не слишком привлекала Мосина, хотя он был одним из лучших офицеров. Мосин стремился продолжить своё специальное образование и деятельно готовился к

поступлению в Михайловскую артиллерийскую академию.

21 сентября 1872 года подпоручик С.И. Мосин успешно выдержал приёмный экзамен и был принят в число слушателей академии.

Русская Артиллерийская академия занимала ведущее место в мире в развитии артиллерийской науки. В её стенах работали крупные русские учёные, прославившие родину выдающимися открытиями.

Баллистику — основной предмет для артиллеристов — читал Н.В. Маиевский, первый в мире создавший научно обоснованную теорию стрельбы продолговатым снарядом. Его знаменитый курс внешней баллистики, вышедший в свет в 1870 году, стал настольной книгой для всех русских и иностранных артиллеристов. Маиевский много лет руководил разработкой всех технических вопросов, относящихся к артиллерии.

Кафедру артиллерийской технологии возглавлял А.В. Гадолин. Его труды в области применения теории упругости к расчёту прочности артиллерийских орудий имеют важное значение. Обширный курс лекций А.В. Гадолина, рассчитанный на подготовку специалистов для артиллерийских заводов, дополнялся производственной практикой слушателей.

Курс практической механики читал И.А. Вышнеградский — основоположник теории автоматического регулирования, труды которого сохраняют своё значение и до настоящего дня. Он работал инженер-механиком главного артиллерийского управления и обладал обширными знаниями по артиллерийской технике и специальным производствам. Вышнеградский был выдающимся лектором. По словам его ученика проф. В.Л. Кирпичева, он «ввел в России преподавание машиностроения, а, следовательно, и подготовку к отечественному производству машин». Вышнеградский готовил из своих учеников хороших конструкторов, так как сам обладал незаурядным конструкторским талантом.

Таким образом, все академические курсы велись крупными учёными и стояли на высоком научном уровне. Они будили творческую мысль слушателей, вводили их в обширный круг актуальных технических вопросов.

Развитию творческой инициативы слушателей способствовали умело организованные занятия по проектированию деталей машин и материальной части артиллерии.

Академия являлась мировым центром артиллерийской науки, воспитавшим целое поколение замечательных русских военных специалистов, одним из которых был и С.И. Мосин.

Мосин воспринял лучшие научные традиции русской академической артиллерийской школы. Впоследствии он заслуженно занял место в одном ряду со своими учителями, обогатившими артиллерийскую науку новыми открытиями.

После окончания академии Мосин должен был работать на одном из казённых артиллерийских или оружейных заводов. По обстоятельствам личного порядка он приехал в Тулу. В конце 1874 года Мосину стало известно, что его престарелый отец нашёл приют в семье тульских помещиков Арсеньевых. Посетив Тулу, Мосин после долгой разлуки встретился с отцом и решил поступить на Тульский оружейный завод.

Выбор места работы Мосиным оказался весьма удачным. Тульский оружейный завод — старейший в России — только в 1873 году был полностью реконструирован и оснащён новейшим оборудованием для массового производства принятой тогда на вооружение русской армии винтовки Бердана. Хорошая техническая база и замечательные производственные традиции завода, где оружие выделывалось веками и имелись прекрасные квалифицированные кадры, благоприятствовали изобретательской деятельности Мосина. К тому же решение ряда технических задач на вновь реорганизованном предприятии требовало проявления инициативы со стороны молодого офицера.

Мосин окончил академию по первому разряду в июле 1875 года в чине штабс-капитана и 20 августа того же года получил назначение на должность помощника начальника инструментальной мастерской Тульского оружейного завода с зачислением по полевой конной артиллерии. На 20 лет связал Мосин свою жизнь с Тульским оружейным заводом и за эти годы сроднился с ним.

Между Мосиным и другими офицерами, служившими на заводе, не завязались близкие приятельские отношения. Мосин, пролагавший себе дорогу упорным трудом, не разделял кастовых предрассудков царской офицерской среды. Это облегчало ему общение с мастерами и рабочими, помогло привлечь их к осуществлению своих замыслов и планов.

20 ноября 1876 года штабс-капитан Мосин был назначен начальником инструментальной мастерской. Он в совершенстве изучил изготовление инструмента и лекал, а также познакомился с технологическим процессом производства винтовки Бердана. Это имело большое значение для дальнейшей самостоятельной конструкторской деятельности Мосина. Он получил возможность при разработке своей винтовки проявить себя не только замечательным конструктором, но и опытным технологом. Мосин дальновидно предусмотрел все условия будущей организации

производства винтовки. На замечательных производственных традициях старейшего русского оружейного завода окончательно созрел выдающийся конструкторский талант Сергея Ивановича Мосина.

Первым опытом самостоятельной работы Мосина была разработка технологии охотничьих ружей, явившаяся некоторой подготовкой к будущей изобретательской деятельности.

К 80-м годам Мосин в чине капитана был уже известен как большой знаток оружейного дела. По распоряжению главного артиллерийского управления в 1881–1882 году он был назначен членом «комиссии для осмотра механических средств и зданий» Сестрорецкого и Ижевского заводов. Это дало Мосину возможность ещё ближе познакомиться с организацией производства на этих заводах и состоянием русского оружейного дела. Имея хорошую теоретическую подготовку и большой производственный опыт, Мосин живо интересовался своей специальностью. Он был в курсе всех вопросов, которые тогда волновали специалистов-оружейников.

В центре внимания военных кругов стоял тогда вопрос о перевооружении русской армии малокалиберной магазинной винтовкой. Мосин, как и некоторые другие русские оружейники, сделал попытку приложить свои знания и силы к разрешению этого вопроса.

III. Начало изобретательской деятельности. Конструирование трёхлинейной винтовки (1875–1891 годы)

Оружейная техника в 60-70-х годах XIX века быстро развивалась.

Войны второй половины XIX века выявили огромную роль нарезного стрелкового оружия, значение мощного огня в бою. Важнейшими задачами в дальнейшем развитии стрелкового оружия стало увеличение скорости и дальности стрельбы, настильности, а также пробивной способности пуль. Это поставило на очередь вопрос о совершенствовании патрона (патрон с металлической гильзой) и конструировании магазинных винтовок, т. е. винтовок, снабжённых приспособлениями, в которых было собрано несколько патронов, в целях ускорения перезаряжания оружия. Во всех армиях началась усиленная исследовательская работа в этой области. Правда, первые образцы магазинных винтовок были далеки от совершенства, но перевооружение армии оружием этого нового образца стало неотложной задачей всех европейских стран.

Экономическая и техническая отсталость царской России создавала особые трудности для проведения перевооружения армии. Слабое развитие промышленности, отсутствие внимания к работе русских конструкторов обрекали царскую Россию в этом деле на зависимость от заграницы. Новое оружие для русской армии разрабатывалось в первую очередь иностранными фирмами. Они получали выгодные заказы для иностранных заводов и наживались за счет русской казны. В 60–70 годах XIX века в России были приняты на вооружение армии почти одна за другой винтовки Терри-Нормана, Карле, Крнка, Бердана.

Вопрос о вооружении русской армии магазинными ружьями был поставлен в 1883 году. Была создана особая «Комиссия для испытания магазинных ружей». Работы комиссии вызвали значительный интерес в военных кругах, особенно среди передовой части русского офицерства.

Пламенный патриот, большой энтузиаст оружейного дела, С.И. Мосин внимательно следил за всеми новшествами и, не покладая рук, работал над совершенствованием отечественного оружия. Первым в России он стал разрабатывать конструкцию магазинной винтовки. Мосин творчески обобщил огромный опыт

русских оружейников, представил его в завершённой форме, развил дальше, дав в то время ряд непревзойдённых решений конструктивных задач. Мосин еще в 1882 году самостоятельно начал работы по переделке однозарядной винтовки Бердана в магазинную винтовку.

«Комиссия для испытания магазинных ружей» привлекла его к своей работе в числе других известных ей русских специалистов-оружейников. Летом 1883 года Мосин представил на рассмотрение комиссии разработанные им образцы магазинных винтовок.

К винтовке Бердана Мосин устроил реечно-прикладной магазин на 8 патронов. Сущность устройства магазина сводилась в основных чертах к следующему: патроны помещались в овальной трубке, находившейся внутри приклада. Для подачи патронов служила рейка, зубцы которой захватывали за закраины патронов. Рейка была сцеплена с затвором. При отодвигании затвора назад рейка подавала патрон настолько, что он мог быть захвачен затвором. Патроны в магазине располагались наклонно, так что пуля одного патрона не упиралась в капсюль другого, что приводило к полной безопасности магазина Мосина и выгодно отличало его винтовку от иностранных систем.

Винтовка этого образца, и сейчас хранящаяся в музее оружия при Тульском оружейном заводе, была окончательно разработана Мосиным к началу 1884 года. Несколько позднее Мосин создал такой же образец винтовки уже на 12 патронов.

Образцы винтовок Мосина, по мнению комиссии, были одними из лучших, но требовали некоторой доработки. В 1885 году Мосин настойчиво трудится над переделкой винтовки и предлагает на рассмотрение комиссии новый, усовершенствованный образец. Из 119 винтовок различных систем, рассмотренных комиссией (среди них было 38 русских), этот образец винтовки Мосина был признан наилучшим. Так, даже в начале своей изобретательской деятельности, при неблагоприятных условиях для творческой работы, Мосин создал винтовку, превосходившую по своим качествам иностранные.

В 1885 году оружейный отдел заказал Тульскому оружейному заводу 1000 винтовок с мосинским магазином для войсковых испытаний.

Характерно, что об этом изобретении из-за попустительства царских чиновников, отнюдь не умевших хранить военную тайну, узнали за границей, где в то время шли спешные изыскания в области магазинного оружия. Иностранцы, всячески принижая русскую науку, в то же время старались присвоить себе результаты самоотверженного труда русских учёных и

изобретателей, особенно в области военной техники. Агенты иностранных капиталистических фирм тратили огромные суммы на подкуп царских чиновников, лишь бы получить желанные им секреты русских изобретателей.

Узнав об изобретении Мосина, иностранцы решили его перекупить. В 1885 роду от имени одной парижской фирмы Мосину было предложено 600 тысяч франков (впоследствии эта сумма была увеличена до 1 миллиона франков) за право использовать для французской винтовки изобретённый им реечно-прикладный магазин. Иностранцы вынуждены были признать превосходство русского изобретения, труды выдающегося русского конструктора С.И. Мосина.

Мосин располагал весьма скромными средствами и жил на своё капитанское жалованье. Однако он решительно отверг все предложения иностранцев, поступив как подлинный русский патриот, бескорыстно преданный Родине.

Мосин внимательно следил за развитием оружейного дела за границей. Там спешно вводились на вооружение ружья магазинной системы. В 1884–1887 годах они были приняты во Франции, Германии, Италии.

В конце 80-х годов началась работа по созданию новых винтовок уменьшенного калибра, чему содействовало развитие порохового дела (разработка бездымных порохов).

В России также проводились мероприятия по введению на вооружение магазинной винтовки. В то время как Мосин работал над новой винтовкой, великий русский учёный-химик Д.И. Менделеев разработал свой новый метод производства бездымного пороха на наших заводах; полковник Роговцев спроектировал малокалиберный патрон.

Мосин всесторонне ознакомился с существующими русскими образцами оружия, учёл их достоинства и недостатки при проектировании образца отечественной магазинной винтовки.

Тщательный учёт предшествующего русского технического опыта и новый, оригинальный, творческий подход к делу Мосина способствовали тому, что созданная им винтовка оказалась самой совершенной.

В 1887 году Мосин обратился к комиссии с предложением спроектировать малокалиберную магазинную винтовку вместо переделки винтовки Бердана. Это предложение Мосина имело огромное принципиальное значение. Отвергая переделки и подражания, на которые ориентировали изобретателя правящие круги, Мосин решил выйти на широкий путь самостоятельного творчества. Мосин хорошо понимал, что будущее принадлежит малокалиберному магазинному оружию.

Комиссия дала своё согласие, и Мосин не замедлил им воспользоваться. Уже в сентябре 1887 года Мосин представил комиссии малокалиберную винтовку своей системы калибром 3,15 линии с прикладным магазином реечной системы, которая была разработана им в Туле. Мосин начал труд, который сделался для него делом всей жизни.

В октябре 1889 года комиссия по испытанию магазинных ружей была переименована в комиссию по выработке малокалиберного ружья.

На Охтенском заводе было организовано производство бездымного пороха, разработанное Д.И. Менделеевым; комиссия окончательно утвердила образец патрона, приняв калибр 3 линии, т. е. 7,62 мм. Это открывало путь к проектированию отечественной магазинной винтовки.

Однако военный министр генерал П.С. Ванновский признал необходимым «в скором будущем иметь образец однозарядного ружья уменьшенного калибра… Если же впоследствии, по выработке вполне надёжного типа магазинного ружья признаётся все-таки необходимым переделать ружья уменьшенного калибра (однозарядные — В.А.) на магазинные, то это дальнейшее усовершенствование может быть выполнено не торопясь, по предварительном всестороннем испытании механизма…» В этом решении достаточно отчетливо проявились и недоверие военного руководства царской России к новому оружию, и консерватизм самого Ванновского, видевшего в магазинных винтовках прежде всего опасность… «излишнего» расхода боевых припасов.

Из самого смысла решения Ванновского следовало, что главным делом по-прежнему является разработка малокалиберной однозарядной винтовки, создание же магазинной винтовки отодвигается на второй план. Мосину нужно было проявить много энергии и настойчивости, чтобы преодолеть косность правящих кругов царской России и практически доказать необходимость скорейшего введения магазинной винтовки.

25 ноября 1888 года Мосин представил посетившему Тульский оружейный завод инспектору оружейных заводов генералу Нотбеку новый образец своей винтовки. Тот немедленно обратил внимание на то, что этот образец «далеко опередил своею простотою прежние проектированные им (Мосиным) магазинки», и предложил вести дальнейшие испытания. Опытный специалист Нотбек подчёркивал особую простоту и надёжность конструкции винтовки Мосина, являвшиеся характерной особенностью русской технической мысли, свидетельством её творческой зрелости.

Мосин настойчиво продолжал свои работы. В апреле 1889 года он был назначен исполняющим должность председателя приёмной комиссии при Тульском оружейном заводе. Это освободило его от повседневного руководства мастерской и позволило отдавать больше времени разработке магазинной и однозарядной винтовки собственной конструкции.

Однако по требованию начальства Мосин с 1887 года по 1890 год был вынужден работать главным образом над созданием однозарядной трёхлинейной винтовки. На этом образце винтовки он окончательно отрабатывает свою оригинальную конструкцию затвора. Созданная Мосиным конструкция затвора превосходила иностранные и была впоследствии применена изобретателем в его магазинной винтовке.

Намечавшееся перевооружение русской армии обещало огромные доходы иностранным фабрикантам-оружейникам, которые спешили этим воспользоваться. Однако предъявленные комиссии осенью 1889 года известные в то время образцы магазинных винтовок Лебеля, Манлихера, Нагана и других оказались «неудовлетворительны или по устройству магазина, или по непрочности и неудобству затвора». При строгом и беспристрастном подходе к оценке зарубежных винтовок миф о пресловутом «превосходстве» западноевропейской оружейной техники оказался явно несостоятельным.

Присылка в комиссию иностранных магазинных винтовок оказалась для Мосина удобным предлогом, чтобы просить разрешения вернуться к работе по созданию своей магазинной винтовки. Комиссия дала на это своё согласие. Конструирование своей магазинной винтовки Мосин начал, как мы указывали, *значительно раньше* Нагана и других зарубежных конструкторов, образцы винтовок которых испытывались комиссией. Русский конструктор взялся таким образом за решение труднейших технических задач, которые не смогли успешно выполнить самые известные и опытные европейские оружейники.

Мосин стал работать в мастерской стрельбища Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы. В феврале 1890 года, после почти четырёх месяцев упорного труда, Мосин сконструировал винтовку собственного образца с магазином трапециевидной формы, с отгибаемой дверцей и прикреплённым к ней подъёмным механизмом. Затвор особой конструкции был снабжён боевой личинкой с симметричными выступами и соединительной планкой, которая, устраняя необходимость особых винтов, допускала сборку и разборку его без употребления отвёртки. К ствольной коробке была приспособлена пружина-отсечка, устранявшая одновременную подачу в магазин двух

патронов и служившая также отражателем.

В основных чертах оригинальная система будущей знаменитой трёхлинейной винтовки Мосина уже полностью определилась в данном образце. Она была уже тогда настолько продумана и целесообразна, что последний образец винтовки Мосина, принятый на вооружение, по существу очень мало отличался от первых. Свою работу над созданием образца винтовки Мосин продолжил в Туле.

Необходимо отметить замечательную простоту сложнейших технических решений, свойственную Мосину, как и другим выдающимся представителям русской технической мысли. Эта простота блестяще проявилась в разрешении таких труднейших технических задач, как конструкция затвора и особенно устройство отсечки-отражателя. Отсечка-отражатель, предложенная Мосиным, *впервые* удачно разрешала вопрос о правильной подаче патронов в однорядном магазине, заряжавшемся из обоймы. Этого результата не смогли достичь самые опытные иностранные конструкторы.

По сравнению с принятыми тогда образцами скользящих поворотных затворов в иностранных винтовках (Лебель, Маузер, Манлихер) затвор Мосина отличался большей простотой устройства, надёжностью при запирании и удобством в эксплуатации. Особенно сильно сказывались преимущества в конструкции магазина и оригинальный способ отсекания патрона. Созданная Мосиным конструкция винтовки стояла по своим техническим и боевым качествам безусловно *выше современных ей иностранных образцов* и была новым свидетельством преимуществ и гениальности русской технической мысли.

В то время когда Мосин находился в Туле, бельгийский фабрикант и конструктор оружия Наган представил комиссии свои новые образцы винтовок. При испытаниях винтовок Нагана, проведённых весной 1890 года в присутствии конструктора, они давали заклинивание патронов и «не имели приспособления, отстранявшего несвоевременный выход двух патронов из магазина».

Комиссия уже имела винтовку Мосина, которая по своим качествам явно превосходила винтовку Нагана. Казалось бы, на мосинской винтовке комиссии и следовало сосредоточить всё внимание. Но свойственное господствовавшим классам царской России преклонение перед иностранщиной дало себя почувствовать и здесь. Многие члены комиссии мало верили в успех русского конструктора и считали, что подходящую для перевооружения русской армии винтовку следует искать за

границей. Русская школа оружейной техники оформлялась в упорной борьбе с иностранным влиянием, которое особенно сильно чувствовалось в этой области из-за общей технической отсталости царской России.

Разработку магазинной винтовки под новый русский патрон военный министр генерал Ванновский — типичный представитель правящей царской бюрократии, близкий к Александру III, — приказал поручить иностранцу Нагану.

Мосину было только разрешено представить свою винтовку для сравнительных испытаний с винтовкой Нагана.

Военное министерство явно предпочло известному русскому конструктору заезжего иностранца. Оно дало Нагану достаточно широкие обещания в отношении принятия винтовки именно его системы.

Наган — крупный капиталистический хищник — ставил себе далеко идущие цели. Он не только хотел навязать России оружие своей системы, но и заполучить в свои руки его производство. Это обещало ему огромные прибыли и должно было поставить русское правительство в полную зависимость от иностранцев в снабжении армии оружием, создавало прямую угрозу для обороноспособности нашей страны.

Мосин трудился бескорыстно во имя интересов Родины. Он отдавал все свои знания, силы на то, чтобы дать русской армии надёжную винтовку, которую могли бы успешно изготовлять наши отечественные заводы без назойливой опеки иностранных дельцов, враждебных интересам России.

Комиссия, ознакомившись с винтовкой Мосина, предложила ему внести некоторые изменения. Меньше чем через месяц Мосин сделал это. В марте 1890 года исправленные винтовки уже проходили предварительные испытания. 22 марта Мосин был откомандирован в Тулу, с тем «чтобы по окончании изготовления в этом заводе трёх проектируемых им малокалиберных ружей снова явился в Петербург для присутствия при испытаниях».

23 мая 1890 года комиссия получила окончательно отлаженные образцы мосинской винтовки под номерами 1 и 2. Дальнейшие работы Мосин перенёс полностью в Тулу, где для этого имелись большие возможности, чем в маленькой мастерской Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы или в инструментальном отделе Петербургского патронного завода. 26 мая 1890 года начальник Тульского оружейного завода получил телеграфное предписание: «Приступайте немедленно к изготовлению трёхсот ружей по системе капитана Мосина». После несовершенных иностранных образцов винтовок Карле, Крнка и Бердана коллектив завода приступил к изготовлению простой и

надежной винтовки русского изобретателя.

Мосин жил в Туле с 1875 года более десяти лет. За это время он сроднился с городом и заводом и здесь мог вполне отдаться осуществлению творческих замыслов. Прославленное искусство тульских оружейников, старые производственные традиции завода много способствовали решению тех задач, которые ставил конструктор.

Воспоминания старого оружейника Ивана Алексеевича Пастухова, который в те годы был у Мосина чертёжником, дают возможность воссоздать обстановку, в которой протекала творческая деятельность Мосина.

Все работы по конструированию винтовки велись в стенах завода, в небольшой комнате, представлявшей что-то вроде конструкторского бюро. Там работали чертёжники И.А. Пастухов, его брат А.А. Пастухов (недолго, до поступления в Академию художеств) и В.И. Васильев. Мосин непосредственно отлаживал опытные образцы со слесарями Санаевым, Земцовым и Сенопальниковым — искусными мастерами, потомственными оружейниками.

Метод конструирования Мосина отличался большой инициативой. Он обычно давал лишь основные размеры деталей и данные, определявшие их взаимное положение в образце винтовки. Остальные же «свободные» размеры деталей определялись конструкторами-чертёжниками. Затем эскиз в виде нормального чертежа поступал к Мосину, который делал окончательную правку, иногда меняя размеры и даже самую форму деталей.

Нередко делалось 2–3 эскиза одной и той же детали, пока Мосин не останавливался на одном из них. Некоторые детали менялись в чертежах и на опытном образце особенно часто. Например, менялся штык, сечение которого после различных изменений было сделано четырёхгранным. Наиболее трудоёмкой деталью с точки зрения конструирования и многократных изменений была магазинная коробка и заключённый в ней магазин для подачи патронов.

При разработке конструкции винтовки Мосина одновременно окончательно определялись и допуски, первоначально очень жёсткие, несколько расширенные в дальнейшем. Здесь проявилась глубокая практичность Мосина, хорошо понимавшего значение тщательного установления допусков для будущего массового производства его винтовки.

Мосин очень внимательно относился ко всем этапам конструирования винтовки. Он принимал непосредственное участие в оформлении и проверке рабочих чертежей, постоянно

бывал на рабочих местах, особенно на сборке, помогая сборщикам техническими, а иногда и практическими указаниями, лично следил за изготовлением деталей первых опытных образцов винтовки в мастерских завода.

Мосин был очень требователен к себе и сотрудникам. Но он стоял выше кастовых предрассудков царской офицерской среды и по достоинству оценил замечательные способности своих ближайших помощников, простых людей — оружейников, которые помогали воплотить в жизнь его замечательные замыслы.

Внешне Мосин казался замкнутым, суровым человеком. На самом же деле в характере этого человека было много душевности и простоты. Он заботился о росте кругозора своих сотрудников, предоставляя им широкий простор для инициативы, будил их творческую мысль. Впоследствии тот же И.А. Пастухов, вначале работавший чертёжником у Мосина, вырос в большого специалиста — конструктора-оружейника.

Мосин работал напряжённо и настойчиво, но не встречал большого сочувствия и помощи со стороны заводского начальства. А среди служивших на заводе офицеров, за исключением немногих, работа Мосина по созданию оригинальной винтовки вызывала недоверие и зависть.

В ходе работ Мосину пришлось столкнуться с существенными трудностями, основной причиной которых были равнодушие и преступный бюрократизм начальства. Например, стволы доставлялись с большой задержкой, не хватало патронов с бездымным порохом для пробы ружей, не было достаточного количества обойм. Лишь непоколебимая вера в своё дело, страстное стремление послужить Родине давали Мосину силу преодолевать трудности.

Испытания первых образцов магазинной винтовки Мосина показали её безусловное преимущество. 22 июля 1890 года председатель исполнительной комиссии по перевооружению армии представил военному министру доклад, в котором, ссылаясь на мнение видных специалистов-оружейников, указывал, что было бы «полезным данные заводам винтовки изготовлять ныне же с затворами и ложами капитана Мосина. Ещё выгоднее изготовлять винтовки вполне по образцу пачечной винтовки капитана Мосина», что, по его мнению, значительно ускорило бы и перевооружение. Такого же мнения держался и генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии).

Таким образом, исполнительная комиссия, состоявшая из авторитетных специалистов, поставила перед военным министром вопрос о целесообразности немедленного перехода к изготовлению винтовки Мосина. Это, по существу, предрешало

вопрос о принятии её на вооружение. Такая постановка вопроса, несомненно, отвечала интересам дела. В случае согласия военного министра была бы принята лучшая в то время в мире винтовка Мосина и перевооружение армии значительно бы ускорилось.

Но такого решения не последовало. Самая мысль о том, что русское изобретение может оказаться лучше иностранного, казалась царским сановникам недопустимой.

Мосин хорошо понимал, что наступает момент, когда должна решиться судьба его многолетнего труда, и с исключительной настойчивостью завершал работы по изготовлению своих винтовок в Туле. К началу августа в Петербург поступили винтовки Мосина за № 5 и 6.

Вскоре военный министр прибыл в Тулу для личного ознакомления с ходом работ в связи с предстоящими испытаниями стрелкового оружия. Он явно сомневался в успехе винтовки Мосина на предстоящих испытаниях. Но в то же время 10 сентября 1890 года военный министр, осматривая сборку трёхлинейных винтовок Мосина, присутствуя при стрельбе, лицемерно расточал похвалы и обещания изобретателю.

14 сентября Мосин писал заместителю начальника главного артиллерийского управления генералу Крыжановскому: «В присутствии военного министра ружья действовали отлично, выпущено было до трехсот патронов… Военный министр был ко мне очень ласков, несколько раз на заводе при всех высказывал, что мой успех будет его успехом, а при прощании на вокзале сказал: „Поеду молиться московским угодникам об успехе нашего дела“». Лицемерная любезность Ванновского и его «богомольное» заявление по существу не меняли дела. Министр решил ждать итога испытаний.

Хотя военный министр Ванновский и «изволил найти всё в порядке» и даже, в подражание «высочайшим особам», оттиснул название завода на стволе мосинской винтовки, чтобы собственноручно удостоверить свою причастность к его работам, на пути конструктора возникали всё новые и новые препятствия.

В письме от 14 сентября 1890 года к председателю комиссии по разработке малокалиберной винтовки генералу Чагину Мосин рисует довольно безотрадную картину: «…Три ружья завод еще не приготовил, до сих пор нету предписания об этом, а также нету предписания от ген. Крыжановского о том, чтобы завод исполнял все мои требования». Упомянутое письмо Крыжановскому дополняет эту картину: «Я вынужден был, — пишет Мосин, — показывать стрельбу военному министру с пятью несчастными обоймами, имевшимися у нас, которые при этом иногда плохо

действовали… Патронов у нас осталось очень мало, и если патроны не будут аккуратно присылаться, то я должен буду остановить испытания и этим задержу сдачу ружей… Все затруднения, которые были при сборке первых ружей, мною все выяснены и требования мои, как председателя приемной комиссии, к заводу все определены. Теперь успех сдачи ружей зависит исключительно только от завода и, следовательно, если ружья не будут сданы к сроку, то я с себя, как с изобретателя и как с председателя приемной комиссии, ответственность снимаю».

Настойчиво преодолевая трудности, борясь против равнодушия и бюрократизма, Мосин энергично продолжал свою работу. 13 сентября 1890 года Мосин принял первые 12 своих винтовок из основной партии ружей, изготовленных Тульским оружейным заводом. Это был знаменательный для Мосина день. Его замыслы, наконец, осуществились. Тульский завод дал образцы первой серийной партии его магазинной винтовки.

В сентябре 1890 года состоялись предварительные испытания винтовок Мосина и Нагана.

Неустанно работая над дальнейшим совершенствованием винтовки, Мосин стремился обеспечить для неё наилучшую систему заряжания. Им были разработаны и предложены особые обоймы с пластинчатой пружиной. В начале декабря 1890 года комиссия испытывала эти обоймы и, признав их «заслуживающими особенного внимания», решила провести более широкие испытания в войсках.

В данном случае ещё раз блестяще проявилась исключительная дальновидность Мосина как конструктора, его смелое новаторство. Хотя способ заряжания винтовки с помощью обоймы был предложен Наганом, и в образцах того времени применялись обоймы, или пачки, заслугой Мосина являлось предложение ввести обоймы с пластинчатой пружиной, особенно удобные при обращении, опережавшие иностранных конструкторов. Пластинчатые обоймы были применены в германской винтовке Маузера только в 1898 году, т. е. через 8 лет после предложения Мосина. Приоритет в этом важном изобретении, безусловно, принадлежит *русскому конструктору Мосину*.

Однако Мосин не встретил со своим изобретением достаточной поддержки. Отдельные частные недостатки заставили комиссию близоруко отказаться от предложенной Мосиным обоймы и снова искать чего-либо у иностранцев. Жизнь показала, насколько Мосин опередил своих современников. При модернизации (обновлении) нашей трёхлинейной винтовки в

1930 году были приняты обоймы именно пластинчатого типа. Эти обоймы можно было ввести почти сорок лет назад одновременно с принятием винтовки, если бы предложение Мосина было одобрено.

Преодолевая трудности и неполадки, Тульский оружейный завод в основном успешно справился с новой и довольно сложной для него (в сравнении с Берданом) работой по изготовлению мосинской винтовки.

Председатель исполнительной комиссии 8 октября 1890 года мог телеграфировать генерал-фельдцейхмейстеру: «…Доношу, что изготовление опытных ружей на наших заводах почти окончено. Наган здесь опоздал изготовлением оружия, почему нельзя сказать утвердительно о времени испытания в войсках».

Европейская оружейная техника, в миф о пресловутом «превосходстве» которой непререкаемо верили царские правящие круги, не выдержала соревнования с нашими отечественными заводами. Правящим кругам было над чем призадуматься, но пагубное неверие в силы и способности русских людей заставило правительство всё-таки настойчиво цепляться за Нагана и других иностранных конструкторов.

В 1890 году, когда Мосин вёл в Туле свою большую работу, в военное министерство направился целый поток разных предложений от иностранцев, спешивших по примеру Нагана воспользоваться случаем для наживы. Техническая ценность образцов иностранного оружия была весьма низка. Наряду с австрийским конструктором Манлихером, бельгийским капитаном Догэ, подозрительным итальянцем Мильярди, прежде всего просившем об авансе, и т. д., многие стремились урвать что-нибудь из русской казны. Например, капитан Морга представил столь сложное по устройству ружьё, что сам затруднился собрать его. Подобных фактов было много.

Активно действовали здесь французские капиталисты. Так, некий Канэ, предлагая свою винтовку, намеревался создать в России для её производства частный оружейный завод совместно с Путиловским обществом. Барон де Ваксонкур (аристократический титул служил ему для прикрытия разных коммерческих махинаций) намеревался организовать производство оружия на наших заводах силами французского общества оружейников. Особенную наглость, поразившую даже крайне предупредительных к иностранцам царских генералов, проявил некий американский инженер Сюттерлен. Он предложил царским властям свои услуги в организации производства новых ружей и выразил весьма «скромное» желание… купить казенный Сестрорецкий оружейный завод. Правда, подобное предложение

встретило отказ. Принятие на вооружение армии винтовки иностранной системы неразрывно связывалось с закреплением позиций иностранцев в русской оборонной промышленности, что представляло несомненную опасность для России. Мосин настойчиво разрабатывал свою систему винтовки при непременном условии организации её производства на русских казённых оружейных заводах. Изобретатель тем самым боролся за самостоятельность отечественной оборонной промышленности, за дальнейшее её развитие.

В то время как высокие качества винтовки Мосина достаточно определились, его конкурент Наган, желая во что бы то ни стало обеспечить принятие винтовки своего образца, шёл на любые подлости, воруя изобретения русских людей. Например, в начале июля 1890 года он показал генералу Чагину своё ружьё с «новой» деталью? отсечкой-отражателем. Это «открытие» Наган сделал через пять с половиной месяцев после того, как Мосин уже разработал и применил отсечку-отражатель. Во время своей поездки в Петербург Наган не раз встречался с работниками комиссии и главного артиллерийского управления и каким-то бесчестным путём сумел раздобыть секрет конструкции винтовки Мосина. Подобные факты много раз имели место в истории русского изобретательства, являясь наиболее отвратительным и подлым видом грабежа и эксплуатации русских талантов иностранным капиталом, формой закрепления зависимости России от Западной Европы.

Похитив у Мосина идею отсечки-отражателя, Наган чувствовал себя значительно увереннее. В августе 1890 года Наган доставил комиссии винтовку с отсечкой-отражателем и некоторыми другими усовершенствованиями.

В письме военному министру Ванновскому о своем намерении посетить Петербург Наган самоуверенно заявлял, что его ружьё удовлетворит комиссию, и он рассчитывает на возможность заказов; тем более, что в случае принятия системы Нагана «все уже готово для дальнейшего производства оружия». Как и все другие иностранные дельцы, Наган связывал принятие своей винтовки русским правительством с непременным получением соответствующих заказов. В сентябре он явился в Петербург с четырьмя ружьями и начал успешно устраивать свои дела в канцеляриях главного артиллерийского управления и военного министерства. Наган ловко пользовался лакейской предупредительностью к иностранцам царских генералов и чиновников.

Наган вёл с заместителем начальника главного артиллерийского управления генералом Крыжановским

переговоры о заключении контракта на предварительную поставку ружей своей системы для войсковых испытаний. Но ход переговоров не слишком удовлетворил наглого фабриканта. Он хотел более льготных условий.

8 октября 1890 года Наган обратился с личным письмом к военному министру Ванновскому, в котором просил его разрешения встретиться с ним для «разъяснений». Он был принят Ванновским 10 октября. Предметом беседы являлись условия контракта. Ванновский весьма охотно пошёл навстречу всем домогательствам Нагана. В тот же день фабрикант вернул главному артиллерийскому управлению проект контракта с изменениями, которые разрешил сделать военный министр. Наган явно торопился, стремясь воспользоваться благоприятным моментом, чтобы «заработать» побольше денег.

12 октября 1890 года был подписан контракт между главным артиллерийским управлением и Наганом. Согласно условиям Наган должен был изготовить 300 пачечных винтовок своей системы и 20 000 обойм. Винтовки подлежали сдаче в следующие сроки: 30 винтовок 18 ноября 1890 года, 70 винтовок 18 декабря и 200 винтовок к 1 марта 1891 года. По каждому сроку для представления винтовок Наган получал 15 дней отсрочки. Если бы к 3 декабря Наган не сдал 30 винтовок, русское правительство имело право «отказаться от дальнейшего изготовления ружей, а затем воспользоваться по своему усмотрению его системой ружей». В случае принятия на вооружение винтовки системы Нагана правительство должно было выплатить ему 200 тысяч рублей и получить все права на эту систему.

Контракт был весьма выгоден для Нагана, тем более что ему уже ранее дали значительный аванс, отпустили некоторые детали (стволы, затылки, шомпола), а в перспективе была внушительная премия. Хотя Ванновский знал мнение исполнительной комиссии о преимуществах винтовки Мосина, он всё же согласился испытывать винтовку Нагана. Наган хорошо понимал, чем он обязан царскому министру, и не напрасно рассыпался в благодарностях ему.

Наган, заключив контракт с русским правительством, впрочем, не старался исполнить его с должной добросовестностью. Первую партию винтовок Наган сдал, лишь использовав льготный срок, а следующие 70 штук представил лишь к 15 января «не крашеными и не бронзированными по случаю праздников и небывалых морозов». Такая бесцеремонность Нагана озадачила даже царских чиновников, которые сочли необходимым указать ему на несоблюдение контракта.

Этот контракт между тем не без оснований привлёк внимание комиссии. В заседании 8 декабря 1890 года опрометчивое обещание премии в 200 тысяч рублей, ранее данное Нагану, вызвало длительное обсуждение. Указывали, что даже в случае принятия винтовки Нагана многие детали пришлось бы изменять в соответствии с системой Мосина, следовательно, право Нагана на премию в 200 тысяч рублей могло встретить существенные возражения, тем более что назначенная сумма Нагану в сравнении с премиями другим конструкторам была весьма значительной. Комиссия решила начать переговоры с Наганом, с тем чтобы уговорить его получить не более 75 тысяч рублей, если винтовка его системы не будет полностью принята.

В упорном соревновании винтовок Мосина и Нагана по существу шла борьба за первенство и честь русской технической мысли, за самостоятельность развития нашей военной техники, против засилья иностранцев. Мосин, рядовой русский офицер-конструктор, без средств и связей, должен был отдать много сил на то, чтобы преодолеть недоверие и косность правящих кругов и коварные интриги Нагана.

Чтобы комиссия окончательно выбрала образец оружия для намеченного перевооружения русской армии, предстояло провести войсковые испытания.

Обстановка испытаний давала некоторые преимущества Нагану. К 8 января 1891 года он представил только 104 винтовки вместо полагавшихся 300. Наган явно нарушил контракт, заключённый с главным артиллерийским управлением. Но руководители артиллерийского управления охотно пошли на это за счёт интересов Мосина, за счёт интересов отечественной техники.

Мосин добросовестно изготовил всё полагавшееся количество винтовок. Ввиду новизны и спешности работ по изготовлению на Тульском оружейном заводе значительного количества винтовок Мосина они неизбежно имели некоторые производственные дефекты.

22 ноября 1890 года последовало предписание о немедленном выезде Мосина в Петербург. Его присутствие было необходимо при испытаниях. Несколько позднее из Тулы были посланы запасные части, а для исправления винтовок в ходе испытаний командированы мастера оружейного завода — стволоправщик Николай Авчинников, слесари Михаил Акимов и Федор Ефимов с необходимыми инструментами. Это были люди, лично известные Мосину, достаточно сроднившиеся с ним по работе. Приехав в Петербург, тульские оружейники тотчас явились к Мосину, чтобы помочь ему в один из самых

ответственных моментов.

Войсковые испытания должны были начаться в конце декабря 1890 года, однако Наган не торопился со сдачей винтовок. Для приема винтовок на месте, в Льеж, на фабрику Нагана был командирован капитан Холодавский. В начале января 1891 года он уже вернулся из Льежа. Военному министру Ванновскому был сделан запрос, когда он пожелает его принять. Министр пометил на донесении: «В субботу, 12 января, в 5 часов вечера у меня на квартире». Очевидно, предполагалась какая-то *особо доверительная* беседа.

Ванновский давно забыл про обещания, которые когда-то давал Мосину в Туле. Наган же устраивал свои дела путём взяток и подкупа «нужных» людей. Корыстолюбие правящих кругов и их раболепное пристрастие ко всему заграничному давали для этого самые широкие возможности. Там, где Мосин прокладывал себе дорогу упорным творческим трудом, бельгиец действовал подкупами и интригами.

Не слишком рассчитывая на успех своей винтовки на испытаниях, Наган вступает в переговоры с представителем русского правительства в Брюсселе полковником Чичаговым по вопросу о вознаграждении. Весьма любопытно, что царскими чиновниками вопрос о вознаграждении Нагана ставился еще до завершения испытаний винтовок, следовательно, он считался в значительной степени предрешённым. Если вспомнить о подозрительных беседах Ванновского с Наганом и Холодовским, можно полагать, что именно эти беседы склонили министра на сторону Нагана еще до официального решения.

Во время трёх встреч с Наганом в январе 1891 года полковник Чичагов настаивал на сумме в 50 тысяч рублей «как на максимальной, на которую он может рассчитывать», так как его винтовка в целом принята не будет, и «разговоров о премии в 200 тысяч не может итти».

Наган, воруя открытия и изобретения Мосина и других русских конструкторов и используя их достижения при «конструировании» своей винтовки, имел наглость заявить, что «если будут заимствованы принципы и идея его системы, ему должна быть заплачена сумма, внесённая в контракт, т. е. 200 тысяч рублей». При «использовании» второстепенных деталей он соглашался на 75 тысяч рублей, причём, крайне преувеличивая свои расходы, беззастенчиво заявлял, что будет иметь очень незначительную прибыль.

Полковник Чичагов правильно понял действительные побуждения ловкого капиталиста: «Денежный вопрос он ставит на первый план. Главное для него получить запрошенную им

сумму… Он при этом готов будет поступиться своим авторским самолюбием и не настаивать на том, чтобы ружьё носило его имя». Если учесть, что Наган не мог рассчитывать на принятие его винтовки на вооружение русской армии, то подобная «скромность» достаточно понятна.

Наган первым попытался обезличить будущую русскую винтовку, коварно предложив «дать ружью название комиссионного ружья образца 1890 года». Это было необходимо бельгийскому фабриканту для того, чтобы впоследствии утверждать, будто бы была принята с некоторыми изменениями именно его винтовка. Таким образом выясняется чрезвычайно любопытное обстоятельство. Ванновский, а вслед за ним царь Александр III, выбирая наименование винтовки, пошли по стопам ловкого иностранца, заранее старавшегося лишить Мосина авторства как своего конкурента.

Наган после «сердечных» бесед с Ванновским хорошо знал, что тот непременно будет на его стороне. Наган нагло заявлял, что «…военный министр оценит все мною изложенное и убедится, что нельзя ограничиться вознаграждением меня 50 тысячами рублей». Наган предоставлял Ванновскому вознаградить его по «заслугам». Такая уверенность Нагана в военном министре достаточно говорит о связях между иностранным капиталистом и царским военным министром.

Пока шли переговоры с Наганом, войсковые испытания винтовок близились к концу. 12 февраля 1891 года Мосин вновь был вызван в Петербург и здесь работал до 25 февраля, исправляя обнаружившиеся мелкие недостатки при испытании образцов его винтовок. Окончательные итоги испытаний еще не были подведены, а 13 февраля исполнительная комиссия уже решала вопрос о вознаграждении Нагана. Надежда на Ванновского, как видно, не обманула фабриканта.

Комиссия считала, что при сохранении привилегий Нагана заказ ружей за границей «повлечёт за собой значительную переплату», так же как и в случае принятия системы капитана Мосина, некоторые детали которой, как заявляла комиссия, были якобы заимствованы от Нагана. На самом деле Наган заимствовал многие детали своей винтовки у Мосина. Но комиссия всё же признала более выгодным приобрести полностью привилегии Нагана, т. е. выдать ему 200 тысяч рублей.

Испытания винтовок тем временем завершались. По мере изготовления из Тулы направляли в Ораниенбаумскую стрелковую школу 30 мосинских винтовок улучшенной конструкции. 8 марта были отправлены последние винтовки, и Мосин выехал в Петербург. С 10 марта Мосин оставался в

Петербурге до окончательного решения судьбы своего изобретения.

9 марта 1891 года прошли последние стрельбы в присутствии Ванновского. 12 марта состоялось заседание особой комиссии генерала Нотбека, обсуждавшее результаты «войсковых опытов» над винтовками системы Мосина и Нагана. В состав комиссии вошли члены «Комиссии по разработке малокалиберного ружья» и офицеры войсковых частей, проводивших испытания.

Несмотря на широкую программу испытаний (было дано до 400 тысяч выстрелов), комиссия не могла провести сравнительной оценки качеств винтовок Мосина и Нагана. Как указывалось в журнале заседания, «В обсуждение ружья системы капитана Мосина комиссия не входила, так как образец, находившийся на испытании, был представлен еще не в окончательно выработанном виде. Свои заключения о системе капитана Мосина комиссия может дать только по испытании тридцати новых ружей, представленных капитаном Мосиным, в которых устранены недостатки, замеченные в предыдущих опытах».

С 13 по 18 марта начались дополнительные опыты с винтовками Мосина и Нагана. Из каждой винтовки выпускалось по 2500 выстрелов, причём главное внимание обращалось на неисправности и задержки в обеих системах. После окончания испытаний собралась прежняя комиссия для решения вопроса о том, какой винтовке отдать предпочтение. За винтовку Нагана высказалось 14 голосов, в том числе председатель комиссии по выработке малокалиберного ружья генерал Чагин и генерал Редигер, фактический руководитель испытаний. За винтовку Мосина было подано 10 голосов.

Как указывает академик А.А. Благонравов, «на результатах голосования сказалось чисто внешнее впечатление от испытаний, между тем обнаруженные неисправности в работе винтовки Мосина объяснялись не сущностью её конструкции, а спешкой и низким качеством её изготовления». По своей конструкции винтовка Мосина, безусловно, превосходила винтовку Нагана.

В сравнении с винтовкой Мосина винтовка Нагана имела неудачный тип затвора (с двумя винтами), спусковой механизм и флажковый предохранитель были сложны, защёлка крышки помещена неудобно, патроно-подающий механизм состоял из отдельных легко теряемых деталей, к тому же и само производство винтовки Нагана требовало большой затраты труда.

При дальнейшем обсуждении вопроса Чагин и Редигер заявили, что своё мнение о преимуществе винтовки Нагана они основывали только на результатах испытаний и наблюдений,

технической же стороны вопроса они не касались. При большей дешевизне и удобстве выделки винтовки Мосина ему может быть отдано предпочтение, если будут произведены ранее указанные изменения. При этой оговорке обе системы получали равное число голосов, но голос председателя генерала Нотбека решил вопрос в пользу Мосина.

Самое голосование весьма характерно для общего положения дел — слепая вера в «авторитет» иностранца явно довлела над мнениями многих участников. Но всё же была подчеркнута одна весьма важная черта — большая конструктивность винтовки Мосина. В данном случае ярко проявились многолетний производственный опыт конструктора, его глубокое знание заводских условий, умение сочетать теорию и практику.

Обсуждение вопроса о винтовках на этом не закончилось. По приказанию военного министра 20 марта было собрано экстренное заседание оружейного отдела артиллерийского комитета для сравнительного рассмотрения винтовок Мосина и Нагана. Председатель Нотбек заявил, что комиссии от войсковых частей «не было поручено решение вопроса об окончательном выборе той или иной системы для вооружения наших войск». По мнению Нотбека, собравшимся следовало «высказать свое мнение с технической стороны, а также и по другим вопросам, могущим быть возбуждёнными в самом оружейном отделе». После обсуждения недостатков винтовок и обмена мнениями отдел пришёл к следующему заключению: «Оба пачечные ружья образца иностранца Нагана и капитана Мосина действовали на опытах всё время вообще удовлетворительно, и в этом отношении трудно было бы отдать положительное предпочтение одной системе перед другой». Оружейный отдел проявил здесь явное низкопоклонство перед зарубежной технической мыслью, принижая русскую техническую мысль, и фактически устранился от окончательного решения вопроса, предоставляя его самому военному министру.

Далее в заключении оружейного отдела говорилось: «Как выяснилось из рассмотрения самих образцов и разъяснений лиц, знакомых с заводским производством оружия, пачечные ружья иностранца Нагана, сравнительно с таковыми же Мосина, представляют собою механизм более сложный для выделки», что может замедлить их производство и повысит цену каждой винтовки Нагана. Таким образом, игнорировать действительные достоинства винтовки Мосина не мог даже оружейный отдел, осторожно выжидавший властного голоса начальства.

Среди присутствующих оказался лишь один человек, который смело возвысил свой голос в защиту достоинств отечественной

техники и русского конструктора. Это был известный специалист в области оружейного дела — заслуженный ординарный профессор артиллерийской академии генерал-лейтенант В.Л. Чебышев, который представил особое мнение. Он рассматривал вопрос по существу, исходя из общей оценки конструкции винтовки. «Если подсчитать, — указывал Чебышев, — сколько получится всех задержек в действиях магазинов, то окажется, что их было при стрельбе из системы капитана Мосина (217) втрое менее, чем при системе Нагана (557). Принимая во внимание, что это преимущество оказалось несмотря на то, что представленные капитаном Мосиным на опыты ружья и обоймы приготовлены были при условиях крайне неблагоприятных и вследствие того очень неточно, ружья же пачки Нагана, напротив того, оказались изготовленными **изумительно** (*подчеркнуто Чебышевым*) точно, я не могу согласиться с заключением, что обе испытанные системы одинаково хороши, и, по моему мнению, — писал в заключение Чебышев, — ввиду изложенных обстоятельств система капитана Мосина имеет громадные преимущества перед системой Нагана».

Чебышев отдал должное таланту и труду Мосина, который сумел при явно неблагоприятных условиях создать надёжную винтовку столь оригинальной и совершенной системы. Чебышев смело заявил *о превосходстве работы русского конструктора* над его иностранным конкурентом.

Вместе с особым мнением Чебышева журнал оружейного отдела поступил на «благоусмотрение» военного министра. Надо сказать, что оружейный отдел сделал всё, чтобы его мнение не слишком стесняло начальственный выбор. Однако достоинства мосинской винтовки не мог отрицать даже Ванновский.

30 марта 1891 года, учитывая мнения комиссии и оружейного отдела о большей простоте и экономичности мосинской винтовки, Ванновский писал: «Согласен и я, но решение сего важного вопроса зависит от благоусмотрения государя императора». Далее министр особо отметил: «В изготовляемом новом образце имеются части, предложенные полковником Роговцевым, комиссией, генерал-лейтенантом Чагиным, капитаном Мосиным и оружейником Наганом, так что целесообразнее дать вырабатываемому образцу наименование: русская трехлинейная винтовка образца 1891 года».

Так Ванновский сделал всё, чтобы умалить авторство Мосина. Имя создателя винтовки, судьба которой решалась в ходе испытаний, оказалось на третьем месте.

Министру было необходимо в угоду Нагану во что бы то ни стало обезличить изобретение Мосина для того, чтобы получить законные основания для выплаты Нагану 200 тысяч рублей, на

которые последний не имел права претендовать. Эта сумма подлежала выдаче Нагану лишь при условии принятия его системы, чего в действительности не было.

Конечно, Ванновский не мог не понимать, что такая награда даст возможность Нагану прямо утверждать, что его винтовка якобы принята русским правительством на вооружение армии, таким образом, явно принижалась роль русского изобретателя, русской технической мысли. Но это не беспокоило царского министра. Господствующая правящая клика, низкопоклонствуя перед заграницей, ставила личные интересы и собственное обогащение выше любви к родине и к своему народу, в закабалении и эксплуатации которого она услужливо помогала иностранным капиталистам.

До этого дня никто, даже те, кого Ванновский росчерком пера возвёл в соавторы Мосина, не помышляли о таком решении вопроса. Винтовка в течение почти двух лет во всей официальной переписке именовалась «винтовкой системы капитана Мосина» и только Ванновский, следуя подсказке Нагана, отнял у неё это наименование, заменив его обезличенным обозначением «русская трёхлинейная винтовка образца 1891 года».

По мнению специалистов, при сравнении конструкции магазинных винтовок Мосина и Нагана было очевидно, что винтовка Нагана имела неудачную конструкцию затвора с двумя винтами. Разборка его была невозможна без отвёртки. Как общая компоновка затвора, так и отдельные его детали (соединительная планка, предохранительный взвод, боевая личинка и т. д.) выгодно отличали затвор Мосина от затвора Нагана. Следует также отметить, что спусковой механизм и флажковый предохранитель винтовки Нагана были сложны по конструкции. Неудачно была расположена в винтовке Нагана защёлка крышки магазинной коробки, а патроноподающий механизм состоял из отдельных легко теряемых деталей. В технологическом отношении винтовка Нагана также была сложнее, чем винтовка Мосина, так как её основные детали были весьма трудоёмки в производстве.

В то время когда в России царские сановники всячески старались принизить изобретение Мосина, иностранцы оказались гораздо дальновиднее царского правительства. Они сразу поняли огромное значение изобретения русского конструктора, сведения о котором уже проникли в военные круги.

Разведчики иностранных держав усиленно охотились за русской винтовкой. Английским агентам даже удалось «достать», т. е. украсть, один ее экземпляр. Пытались не отстать от англичан дипломатические и военные представители других

капиталистических стран.

Американский империализм, готовясь вступить в борьбу за новый передел мира и захват колоний, в интересах финансовых воротил Уолл-стрита усиленно вооружался. Пронырливые американские дельцы настойчиво изыскивали все возможности для усиления мощи своей армии, стараясь приобрести в России и других странах наиболее совершенные образцы военной техники.

5 апреля 1891 года капитан Мосин неожиданно получил письмо от военного атташе Соединённых Штатов Америки лейтенанта кавалерии Генри Аллена. Он писал: «Милостивый государь! Вам, без сомнения, известно, что наше правительство занято в настоящее время выбором оружия. Если бы вы могли,… послать в Америку образец вашего ружья, то это могло бы оказаться очень выгодным обоим: вам и нашему правительству.

Если на ваше ружье не взято еще привилегии в Соединённых Штатах, то, естественно, прежде всего это нужно сделать, чтобы оградить ваши интересы.

Я, конечно, делаю вышеупомянутое предложение, не зная, насколько вы свободны, чтобы предоставить ваше изобретение дружественному государству.

Я беру на себя всю ответственность за все могущие быть расходы.

С искренним почтением имею честь быть ваш покорный слуга Генри Аллен. Лейтенант кавалерии, военный атташе».

В этом письме прежде всего весьма показательно, что при широко распространённой среди правящих кругов царской России легенде о пресловутом «превосходстве» заграничной техники, в могущество которой слепо верило царское правительство, Соединённые Штаты Америки стремились воспользоваться изобретением Мосина. Это было ещё одним явным, хотя и вынужденным признанием *безусловного превосходства* мосинской винтовки над всеми существующими иностранными образцами, в том числе и винтовкой Нагана.

Лейтенант Аллен подошёл к делу приобретения винтовки Мосина, свято веруя во всемогущество доллара. Он видел в изобретении Мосина прежде всего возможность для хорошего бизнеса (наживы) и хотел в русском капитане найти такого же дельца-бизнесмена. С Мосиным он рассчитывал легко договориться, тем более, что лейтенант Аллен с подчёркнутой щедростью принимал на себя «всю ответственность за все могущие быть расходы».

Американский военный атташе не сомневался в услужливости царских властей «дружественному» государству США и был заранее уверен в их содействии.

Аллен был более всего заинтересован в согласии Мосина, справедливо видя в нем автора изобретения, чего упорно не желало признавать царское правительство. Американский делец расточал Мосину самые заманчивые обещания. Но он жестоко ошибся. Как в своё время французская фирма, американец не получил от Мосина ответа. Ни заграничная «слава», ни деньги не могли соблазнить русского конструктора. Американское золото оказалось бессильным перед патриотизмом простого русского офицера-конструктора лучшей в мире винтовки.

За границей уже признали винтовку Мосина. Между тем русское военное министерство всё еще медлило. Только 29 марта 1891 года последовало распоряжение о срочном изготовлении 15 новых «справочных» винтовок Мосина. 6 апреля 1891 года царь Александр III «изволил осматривать стрельбу» из всех образцов винтовок на Гатчинском военном поле. Александр III не был знатоком военного дела и привык верить министру Банковскому, но всё же решил лично посетить испытания. Царю были доложены журнал артиллерийского комитета и сведения о поломках, имевших место при испытании. Представленные Мосиным винтовки имели все изменения, внесённые им в течение самих испытаний (в защёлку крышки магазинной коробки, патроноподающий, спусковой механизмы и некоторые другие детали). Но все эти изменения были весьма незначительны, что ещё раз свидетельствовало о высоком конструктивном совершенстве мосинской винтовки в целом.

В начале апреля две винтовки были приспособлены под обойму Нагана и одна под обойму Мосина. На последних решающих испытаниях пластинчатая обойма могла оправдать себя на опыте, но Ванновский уже предрешил вопрос в пользу обоймы Нагана.

Стрельбы из винтовок Мосина дали весьма благоприятные результаты. «Магазинный и запирающий механизмы означенных трёх ружей действовали исправно и не было задержек при наполнении и опоражнивании магазина. Затвор открывался свободно, и осечек не было. Магазинный механизм действовал исправно даже и в том ружье, в котором нарочно был устранён винт отсечки, благодаря тому, что коробка снабжена пазом для укрепления в нём хвоста пружинной отсечки».

9 апреля оружейный отдел артиллерийского комитета признал, что представленное Мосиным ружьё последнего образца, «может служить руководством для изготовления на Тульском оружейном заводе справочных ружей, если пачечное ружье образца капитана Мосина удостоится высочайшего одобрения».

12, 13 и 14 апреля шли последние стрельбы из винтовок

Мосина. Было дано по 1000 выстрелов. 13 апреля на стрельбе присутствовал сам Мосин. Из ружья № 3 было дано 3600 выстрелов, но оно оказалось в полной исправности.

Так закончились испытания винтовки Мосина, но не для самого её конструктора.

Артиллерийский комитет говорил о «ружье образца капитана Мосина». В переписке оно значилось под наименованием «ружья системы капитана Мосина». Следовательно, ни артиллерийский комитет, ни лица, непосредственно содействовавшие работе Мосина, не сомневались ни в оригинальности разработанной им конструкции, ни в том, что Мосин является автором созданной им винтовки.

Решающее слово оставалось за царем Александром III.

13 апреля 1891 года военный министр Ванновский представил Александру III всеподданнейший доклад «Об утверждении образца пачечного трехлинейного ружья, предложенного капитаном Мосиным». После краткого обзора проведённых испытаний в докладе говорилось, что «система, предложенная капитаном Мосиным, заслуживает во многих отношениях предпочтения перед системой иностранца Нагана как по более простому устройству своему и по дешевизне своего изготовления, так и по тому, что с принятием её наши оружейные заводы скорее смогут приступить к валовому изготовлению ружей».

Военный министр сам вынужден был признать безусловное преимущество винтовки Мосина.

Однако, отметив высокие качества винтовки Мосина, Ванновский в угоду Нагану решил замолчать авторство и многолетний плодотворный труд Мосина над изобретением винтовки.

В заключительном разделе доклада Ванновский писал: «… благоугодно ли будет образец пачечного ружья, предложенного капитаном Мосиным и усовершенствованного по указанию оружейного отдела, всемилостивейше утвердить, наименовав „Русская винтовка образца 1891 года“, так как в окончательной разработке этой винтовки участвовал не один капитан Мосин». Ванновский, сознательно извращая существо дела, конечно, не указал, что участие этих лиц не имело решающего значения и они ни в какой степени не являлись соавторами Мосина.

Александр III по обыкновению не противоречил своему министру. 16 апреля он утвердил Образец винтовки, повелев: «именовать эту винтовку трехлинейной винтовкой образца 1891 года». Царь решил удалить из названия даже слово «русская». Так был устранен последний намёк на отечественное происхождение

вновь вводимого образца. На долгие годы винтовка стала безымянной.

Приказ по военному ведомству от 11 мая 1891 года возвестил о состоявшемся утверждении образца «новой пачечной винтовки уменьшенного калибра» патрона и обоймы к ней. В первоначальном тексте проекта приказа указанию на «образец новой пачечной винтовки» предшествовали слова: «предложенной гвардейской артиллерии капитаном Мосиным». Было указано на то, что патрон проектирован комиссией, а обойма — Наганом. Однако Ванновский лично вычеркнул все эти упоминания, сделав пометку на полях: «Исправить». Русская армия, считал Ванновский, не должна была знать имени изобретателя винтовки Мосина. Но многие офицеры и военные техники знали, кто создал эту надёжную и простую винтовку, которая затем десятки лет верно служила русской армии и русскому народу во многих победных боях.

Созданная трудами Мосина винтовка — лучшая в мире из всех известных и принятых на вооружение. Основатель новой школы научного проектирования оружия лауреат Сталинской премии, академик, генерал-лейтенант А.А. Благонравов справедливо писал: «В течение более пятидесяти лет мосинская винтовка с честью оправдывает свое назначение. За этот долгий срок своей службы, какого не имела еще ни одна винтовка за границей, наша винтовка подверглась лишь незначительной модернизации, что свидетельствует о её высоких качествах, о прекрасной конструктивной отработке».

Введение магазинной винтовки в России произошло несколько позднее, чем в других государствах. Но зато Мосину удалось разработать столь совершенный образец, что России не пришлось прибегать к новому дорого стоившему перевооружению армии, как пришлось делать это почти всем остальным европейским государствам.

Заслуги Мосина перед Родиной бесспорны. Почему же его труды не получили должной оценки царского правительства? «Иностранные капиталисты, занимавшие в царской России прочные позиции, всячески поддерживали и насаждали в России представления о культурной и духовной неполноценности русского народа. Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Отсюда проистекало неправильное представление о том, что русские всегда-де должны играть роль „учеников“ у западноевропейских „учителей“» (Г. Маленков).

Вот почему правящие круги царской России не оценили по достоинству работу замечательного русского конструктора.

Это справедливо огорчало Мосина. Но в нём говорило не столько личное честолюбие, сколько горечь за незаслуженное умаление роли русской техники и национального достоинства. Разным заграничным системам: Лебеля, Маузера, Манлихера и другим, Россия могла противопоставить лишь безымянный образец своей винтовки, который никак не говорил о его отечественном происхождении.

Отстаивая свое авторское право, Мосин настойчиво боролся против тех, кто хотел поставить русскую науку и русскую технику на задворки западноевропейских «достижений». В одном ряду со своими замечательными современниками: Лодыгиным, Яблочковым, Поповым и многими другими, составлявшими славу и гордость России, он боролся против низкопоклонства перед Западом, за честь и достоинство русской науки и техники.

Именно в среде правящей верхушки царской России, лишённой национального достоинства и гордости, поддерживалась подлая «теорийка» о неспособности русского народа к техническому творчеству, считалось, что русские учёные и изобретатели якобы только повторяют европейские открытия и «заимствуют» у Европы.

Только помня об этом и можно понять вопрос о так называемых «заимствованиях», якобы сделанных Мосиным из системы Нагана, которые вскоре же после утверждения винтовки сделались предметом официального разбирательства.

Чрезвычайно характерно для правящих кругов царской России, что самый вопрос об авторских правах Мосина был поставлен в связи с обсуждением возможности предоставления образца его винтовки Соединённым Штатам Америки. Таким образом, даже в этом случае на первом месте были не интересы Мосина, а стремление царского правительства угодить всё тем же иностранцам — заокеанским «друзьям».

Кто впервые поставил вопрос о «заимствованиях» Мосина у Нагана? Сделал это сам Наган, по собственному признанию, вследствие того «*разговора*, которым удостоил» его заместитель начальника главного артиллерийского управления генерал Крыжановский еще 8 марта 1891 года. При этом Наган проявил весьма подозрительную осведомлённость, заранее представив список деталей и их сочетаний в винтовке Мосина, на которые он предъявлял авторские права, в случае если в будущем трехлинейном ружье «будут выполнены эти части или их сочетания». В числе их значились и бессовестно украденные Наганом у Мосина конструкции отсечки-отражателя, курка,

боевой личинки и других деталей.

Винтовка Мосина еще не была утверждена, и её конструкция являлась военной тайной, а Наган уже был настолько осведомлён о ней, что поспешил заявить свои «претензии» на некоторые её детали. Этот факт говорит о продажности правящих царских кругов, неумении хранить военную тайну. Наган не рассчитывал на принятие его винтовки и, заблаговременно выдвигая вопрос о якобы сделанных у него «заимствованиях», старался обеспечить себе получение обещанного вознаграждения. В отличие от Мосина Наган коренным образом перерабатывал свой образец винтовки в процессе испытаний. При этом он без всякого стеснения заимствовал идеи конструкции многих деталей у Мосина. Примером может служить введение отсечки в образце винтовки, представленном через пять с половиной месяцев после Мосина. Однако Нагану удалось использовать только идею. Конструктивно же отсечка в его винтовке была оформлена неудачно. Наган заимствовал у Мосина сначала устройство курка, а позднее, подражая Мосину, в 1890 году он вводит в затвор боевую личинку с двумя боевыми упорами.

9 марта 1891 года комиссия для выработки образца малокалиберной винтовки обсуждала, «в какой степени основательны или неверны претензии, заявленные Наганом». Отвергнув ряд притязаний Нагана, комиссия в спешке, не разобравшись в существе дела, решила, что Мосин якобы «заимствовал» от Нагана: «1) подаватель патронов, помещение подавателя на дверце и открытие дверцы магазина вниз; 2) способ наполнения магазина опусканием из пачки патронов пальцем, а следовательно, и пазы в ствольной коробке». О «претензиях» на соавторство с Мосиным каких-либо других лиц даже эта комиссия не упоминает ни слова.

Так несправедливо решался вопрос о «заимствованиях» в марте 1891 года. Хотя комиссия не брала под сомнение оригинальность мосинской винтовки в целом, ее опрометчивое решение, несомненно, давало в руки Банковского весьма существенный аргумент в пользу покровительствуемого им Нагана и было использовано министром в известной резолюции от 30 марта. Нежелание комиссии по-настоящему разобраться в существе дела нанесло в то время большой ущерб приоритету русской военной техники и конструктору винтовки Мосину.

Отстаивая честь русской техники, Мосин настойчиво выступал в защиту своих прав на изобретение винтовки.

17 мая 1891 года, через месяц после утверждения винтовки, Мосин подал инспектору оружейных и патронных заводов докладную записку «с указанием всего сделанного им в

устройстве ружья образца 1891 года». Он просил заключения артиллерийского комитета, которое могло бы послужить основанием для ограждения его «прав путём привилегий».

Мосин пишет в этой записке: «Бесспорно принадлежит мне право привилегии на следующие части: 1) планку запирающего механизма; 2) форма ушков на боевой личинке; 3) устройство предохранительного взвода; 4) скомбинирование всего запирающего механизма, т. е. устройство его в том виде, в котором он мною предложен и через что имеет характерное свое отличие: отсутствие винтов и возможность сборки и разборки его без отвертки, что получилось вследствие особого устройства боевой личинки, затвора, экстрактора, ударника и замочной трубки; 5) отсечка, ее устройство и назначение, предложенная мною на пять с половиной месяцев раньше иностранца Нагана; 6) запорка магазинной крышки». Все это, как указывает Мосин, было признано принадлежащим ему еще в марте 1891 года и исполнительной комиссией и оружейным отделом артиллерийского комитета.

Далее Мосин, уверенный в своей правоте, указывает на отличие предложенной им конструкции подающего механизма, возражая против обвинения в позаиметвовании этого механизма у Нагана. Как отмечал конструктор, «подобное заключение *опровергается* приложенным при этом в журнале письмом *самого* иностранца Нагана, в котором в пункте три описывается устройство верхней платформы, сделанное совершенно на других основаниях, чем это устроено у меня, а потому устройство верхней платформы, скомбинирование подавателя с дверцами, давшее мне возможность отнимать весь подающий механизм от магазинной коробки, принадлежит мне».

Таким образом, ссылаясь на документальное *признание самого Нагана*, Мосин, бесспорно, опроверг ложное утверждение комиссии о «позаимствовании» им подающего механизма у Нагана, т. е. по существу уличил комиссию в определенном пристрастии в пользу Нагана. Опровергнуть этих подтверждённых документами аргументов Мосина комиссии не удалось. В последующих решениях и комиссии, и артиллерийскому комитету пришлось прибегать к различным словесным ухищрениям, чтобы любым путём поддержать своё клеветническое утверждение о «заимствованиях», якобы сделанных Мосиным у Нагана.

Другим «заимствованием» у Нагана комиссия признавала способ наполнения магазина опусканием из пачки патронов пальцем, а следовательно, и пазы в ствольной коробке. Бесспорными фактами установлено, что Мосин, обладавший

большим военным и производственным опытом, совершенно самостоятельно пришёл к этой мысли, множество раз наблюдая процесс заряжания оружия. Комиссии было известно, что Наган представил заряжавшееся таким способом ружьё значительно позже Мосина, уже самостоятельно разработавшего способ наполнения магазина из пачки патронов. И всё же комиссия упорно не признавала оригинальности и самостоятельности предложенного Мосиным способа наполнения магазина. Она бездоказательно настаивала на непременном «заимствовании» способа наполнения магазина у иностранца.

Постыдное неверие в силы и способности русских людей, свойственное господствующим классам царской России, ещё раз с полной отчетливостью проявилось в решении комиссии.

Далее в своей записке Мосин писал: «Я имею права не на идею, а на самое устройство и на скомбинирование следующих частей: 8) магазинной коробки в том виде, в котором она устроена в утверждённом ружье, и способ её скрепления с ложей и ствольной коробкой; 9) помещение антабки; 10) устройство планки на шейке ложи, сделанное мной намного раньше Нагана; 11) скомбинирование ствольной коробки со стволом, с ложей и магазином; 12) и скомбинирование всей ложи со всеми частями ружья».

Докладная записка Мосина, скромная и строго деловая, была проникнута глубоким чувством собственного достоинства и совершенно чужда мелкого самохвальства, присущего изобретателям-иностранцам, прежде всего тому же Нагану. Записка Мосина даёт все основания к тому, чтобы решительно опровергнуть ложное мнение о каких-либо «заимствованиях», якобы сделанных им у Нагана.

Первый пункт решения комиссии был документально опровергнут Мосиным ссылкою на письмо самого Нагана. Способ наполнения магазина был разработан Мосиным совершенно самостоятельно. Мосин, безусловно, создал свою, *совершенно оригинальную консрукцию* винтовки. Тем не менее артиллерийский комитет, разделяя свойственное правящим кругам царской России неверие в русские способности и силы, не поддержал права талантливого русского конструктора и честь отечественной техники, а настаивал на мнимых «заимствованиях» Мосина у Нагана.

Царские правящие круги привыкли угодливо уступать первенство иностранцам, не защищая приоритет своей отечественной техники. Это полностью определяло и подход артиллерийского комитета к мосинской винтовке.

28 мая 1891 года оружейный отдел артиллерийского

комитета, которому в связи с вопросом о предоставлении привилегии Мосину, Ванновский приказал выяснить, «что именно заимствовано Мосиным у Нагана», по существу повторил лишь то, что было ошибочно отмечено ранее, добавив к этому ещё одно новое клеветническое утверждение о «заимствовании» якобы Мосиным у Нагана обоймы.

Приписывание этого нового «позаимствования» Мосину явно не отвечало действительности. Мосин одновременно с винтовкой проектировал и *свою собственную пластинчатую обойму*. Здесь, как мы знаем, он на восемь лет опередил иностранца Маузера. Обойма Мосина была признана хорошей на испытаниях. Конечно, не по вине Мосина работы эти не были доведены до конца, а была принята обойма Нагана. Эта обойма была единственной деталью, которая принадлежала Нагану, но она ни в какой степени не была заимствована Мосиным, а *навязана* ему распоряжением высшего начальства. При дальнейшем продолжении испытаний винтовка вполне могла бы получить более совершенную пластинчатую обойму Мосина.

Указывая некоторые «главные существенные части» винтовки, которые, по его мнению, принадлежали Мосину, оружейный отдел вместе с тем оговорил то, что части, прямо не поименованные в его журнале, разработаны другими лицами при участии Мосина. В данном случае эксперты, желая угодить начальству, подкрепили своим «авторитетным» словом известную резолюцию Банковского от 30 марта, произвольно приписавшего Мосину соавторов в его изобретении.

Оружейный отдел явно желал подхалимски услужить Ванновскому.

Для чего оружейному отделу нужно было любым путём «доказать» мнимое «заимствование» Мосина у Нагана и тем умалять его изобретение? Только для того чтобы обеспечить Нагану обещанное ему вознаграждение, в выплате которого оказались заинтересованными и Ванновский, и другие, у которых были «деловые» отношения с Наганом.

Несомненно, Мосин многое знал и понимал, ему был противен дух низкопоклонства перед заграницей, но что мог в то время сделать он, простой русский офицер, против этих высокопоставленных бюрократов, привыкших раболепствовать перед заграницей, жадных к иностранному золоту и равнодушных к чести и достоинству своей Родины!

И всё же Мосин не примирился, а настойчиво протестовал против низкопоклонства, унижающего национальное достоинство нашего народа. В одной из своих записок он с горечью писал: «… Я, правда, привилегий не имею, но никак не следует придавать

(этому) значение, умаляющее мою работу по устройству и скомбинированию всего ружья. Раз, если ружейный отдел признал, что запирающий механизм построен мною, то само собой следует, что и ствольная коробка, которая есть как бы футляр для запирающего механизма, может быть построена только мною. То же самое я должен сказать и о наружных начертаниях и о всех прорезях этой коробки. Так как отсечка-отражатель и магазин по отдельности признаны построенными мною, то, следовательно, и соединение их с коробкой произведено мною. Проектируя ствольную коробку и магазин, я должен был иметь в виду и устройство ложи, то-есть должен был придать такое очертание коробке и магазину, чтобы, врезая их в ложу, не ослабить ее излишними вырезами. А потому постройка ложи и скомбинирование её с частями ружья принадлежит мне, а также в ней длина и изгиб приклада даны мной. Комиссия по выработке образца признала предложенную мною ложу за самую удобную для вскидки ружья при скорой стрельбе…

Я считаю, что достаточно всего вышеизложенного, чтобы составилось убеждение, что раз главные части ружья построены мною, то и *скомбинирование всего ружья принадлежит мне…»*

Мосин ещё раз настойчиво и обоснованно утверждал авторские права на созданную им, но обезличенную царским правительством русскую винтовку. Однако это ни к чему не привело.

Мосину напомнили о том, что он должен знать своё место. 28 мая он подал начальству записку в ограждение своих изобретательских прав и в тот же день получил предписание от заместителя начальника главного артиллерийского управления «по исполнении возложенных на него поручений отправиться обратно к месту своего служения». Мосина спешили грубо выпроводить из Петербурга даже до решения вопроса о его привилегии. Наскоро подав рапорт о выдаче ему одного ружья для представления на соискание большой Михайловской премии и выписки из журнала о признании за ним прав, Мосин с горьким чувством выехал в Тулу.

В Петербурге он был теперь лишним. Царские власти забыли о нем, торопясь вознаградить Нагана и самим нажиться на этом деле.

7 июня 1891 года Ванновский представил Александру III подробный доклад. В нем Ванновский указывал, что при соглашении с Наганом в октябре 1890 года правительство обязалось в случае принятия его системы уплатить ему 200 тысяч рублей.

В докладе Ванновский, сознательно искажая факты,

настаивал на мнимых заимствованиях Мосина у Нагана. Ванновский, рассчитывая на сдачу заказов на оружие за границу и возможность заработать на этом деле, считал необходимым выдать Нагану полную сумму премии. Он ничуть при этом не смущался тем, что система Нагана не принята на вооружение армии, а ружье Мосина могут успешно вырабатывать наши русские заводы. Министр на первый план ставил вопросы личного обогащения и поэтому был за Нагана.

8 июня 1891 года было «высочайше повелено»: «Выдать оружейному мастеру Леону Нагану 200 тысяч рублей за предложенное им для нашей армии ружье». Такая сумма явилась настоящим подарком для Нагана; царское правительство не жалело народных денег для иностранных капиталистов.

Еще задолго до этого решения Наган буквально забрасывал главное артиллерийское управление телеграммами, настаивая на скорейшей выдаче денег.

Назойливость, бесцеремонность Нагана ещё раз говорят о близких «деловых связях» между царскими генералами во главе с Военным министром и предприимчивым бельгийским дельцом.

Об этих связях ярко говорят и самые письма Нагана, которые более пятидесяти лет пролежали в архивах и теперь проливают новый свет на причины его «успехов».

Летом 1891 года Наган писал военному министру генералу Ванновскому: «Я не могу более медлить в выражении вам моей глубочайшей признательности за оказание мне чести принятия магазинного ружья моей системы (!?) для перевооружения в России, а также за великодушное присуждение мне премии…

Не могу лучше выразить вам мою признательность, как уверив вас в том, что остаюсь полностью в вашем распоряжении по всем вопросам, касающимся перевооружения и мое искреннее желание есть сохранить отношения с вашим управлением». В этом письме прежде всего привлекает внимание то, что Наган нагло присвоил себе работу Мосина, основываясь на том, что ему выплачена полная премия, а винтовка Мосина лишена имени её автора. Действительно, за границей ничто не мешало Нагану разыгрывать из себя «благодетеля», «осчастливившего» русскую армию своей винтовкой. Царское правительство, руками Ванновского «великодушно» выдав Нагану полную сумму премии, не только наградило его не по заслугам, но и дало этим повод утверждать, что принятая в России мосинская винтовка есть якобы только несколько изменённая винтовка Нагана.

Что касается отношений с главным артиллерийским управлением, о которых писал Наган, то Ванновский не заставил себя особенно просить. Письмо было передано им в управление с

краткой, но многозначительной резолюцией: «Надо воспользоваться услугами Нагана». Директива была достаточно ясна, несмотря на то, что новую винтовку вполне могли изготовлять русские заводы.

Почти одновременно с министром письмо Нагана получил и заместитель начальника главного артиллерийского управления генерал Крыжановский. После обычных любезностей в этом письме Наган предался воспоминаниям довольно откровенного характера: «Лишь только узнал, что система моего ружья официально принята для нового перевооружения в России… Я не могу далее медлить в выражении всей моей признательности за приятные известия *и всё то, что вы пожелали для меня сделать во всё продолжение опытов, так и в отношении премии*». Наган писал: «*Я никогда не забуду той приветливости, с которой Вы меня приняли, и также снисходительности, которую вы мне оказывали* по отношению опозданий, независимых от меня, задерживавших доставку оружия и доставлявших вам неприятности» (подчеркнуто нами. — *В. А.*).

Стоит лишь вдуматься в текст, чтобы перед нами в самом неприглядном виде предстали действия и Крыжановского и министра Ванновского. Излияния болтливого бельгийца прямо говорят о наличии закулисной сделки. Пока еще не найдено документов, прямо подтверждающих корыстную сделку Нагана с Ванновским и другими. Но такая возможность не исключена, если учесть ярко выраженное покровительство Нагану с их стороны в вопросе выдачи вознаграждения.

В июле 1891 года царским правительством были внесены в Учётный банк предназначенные Нагану деньги.

Но 200 тысяч лишь разожгли в Нагане жажду наживы. Через месяц с небольшим Наган обратился к русскому правительству с просьбой разрешить поставку винтовки Мосина Греции, Сербии, Болгарии и даже… Бразилии. Такая исключительная бесцеремонность Нагана привлекла внимание военных кругов и озадачила даже Ванновского. Наган получил отказ.

Пока царские власти занимались «коммерческими» делами с Наганом, они сознательно затягивали решение вопроса о выдаче привилегии капитану Мосину. Только 2 июля 1891 года исполнительная комиссия по перевооружению армии признала, что «главные существенные части винтовки образца 1891 года выработаны исключительно капитаном Мосиным», и нашла нужным предоставить ему право на привилегию. Несмотря на все ухищрения в пользу Нагана, комиссия всё же не смогла отказать Мосину в оригинальности его изобретения. Правда, правящие круги явно впали в противоречия. Винтовка оставалась

безымянной, но авторское право Мосина на эту самую винтовку, на привилегию всё-таки признавалось.

Ванновский согласился с докладом комиссии, но, равнодушный к интересам государственной казны, когда речь шла о платежах Нагану, проявил о ней особую заботливость, когда речь зашла о привилегии Мосина. На докладе появилась резолюция министра: «Согласен, но с тем, что для русского правительства запрещения не будет существовать ни в России, ни за границей». Подобная предусмотрительность была совершенно напрасной. Мосин не был капиталистом, подобно Нагану, и вовсе не собирался обогащаться за счёт своего изобретения, тем более в ущерб интересам своего отечества.

30 июля 1891 года Александр III согласился с заключением военного министра. Однако Мосин под давлением начальства не взял привилегии на своё изобретение. В частной беседе ему было указано начальством, чтобы он не брал привилегии, так как она может якобы повредить «интересам» России. В то же время царское правительство вело переговоры о передаче образца мосинской винтовки Соединенным Штатам Америки.

9 августа 1891 года Мосин был назначен председателем приёмной комиссии при Тульском оружейном заводе и произведён в полковники. Царские чиновники не торопились с решением вопроса о денежной награде Мосину за создание винтовки.

Только в конце августа 1891 года, когда Наган уже давно получил не заслуженную им денежную премию, вспомнили о необходимости наградить Мосина. Исполнительная комиссия испрашивала ему денежную награду в 50 тысяч рублей и почётную — орден Владимира третьей степени. Но тот же генерал Крыжановский, которого столь усердно благодарил Наган за «приветливость и снисходительность», на сей раз решительно изменил этим свойствам своего характера.

Когда речь зашла о награждении русского конструктора, царский генерал проявил сдержанность и осторожность. «Дать еще раз на прочтение» — появилась резолюция на черновике доклада. Прочитав вторично доклад, генерал сделал новую пометку «Что стали ружья Мосина и ружья Нагана?». Начался длительный подсчет. Только осенью 1891 года исполнительная комиссия представила свой доклад военному министру.

В докладе указывалось, что «удостоилось одобрения пачечное ружьё, предложенное полковником Мосиным». Оно было предпочтено образцу иностранца Нагана ввиду: «1) более простого устройства его; 2) большей дешевизны при изготовлении, простирающейся, по мнению инспектора

оружейных и патронных заводов и прочих техников, примерно от двух до трёх рублей на ружьё и 3) того обстоятельства, что с принятием образца пачечного ружья полковника Мосина наши оружейные заводы будут иметь возможность скорее переустроиться и начать валовую выделку ружей». Отметив, что Нагану выдано 200 тысяч рублей и что с принятием винтовки Мосина имеется возможность сберечь уже «на первые два миллиона ружей от четырёх до шести миллионов рублей сравнительно с тем расходом, который потребовался бы в случае принятия винтовки Нагана, и, во-вторых, что полковник Мосин приложил много труда и энергии не только к проектированию его образца трёхлинейной пачечной винтовки, но и предложил сверх того однозарядную винтовку, признанную лучшей, чем все другие образцы», комиссия признавала справедливым наградить Мосина орденом и денежной суммой в 50 тысяч рублей. Комиссия просила военного министра генерала Банковского дать согласие на представление об этом доклада Александру III.

Ванновский был явно настроен против этого предложения. Его резолюция оказалась неожиданной и для самой комиссии: «Представить на усмотрение военного совета *без моего одобрения*, ибо я в совете выскажусь» (подчеркнуто нами. — В.А.). Ванновский демонстративно отказался одобрить предложение комиссии и оставил своё мнение до совета.

После длительных обсуждений было постановлено выдать Мосину 30 тысяч рублей и наградить орденом. За долгие годы своей работы над винтовкой в Туле Мосин сроднился со своими сотрудниками, хорошо понимая, что они многим содействовали его успеху. Он поделился с ними полученными деньгами, стараясь отблагодарить их за мастерство и упорный труд.

Мосин не стремился к обогащению. Для него, человека без средств, 30 тысяч были, конечно, значительной суммой, но она, конечно, не могла изгладить сознание того, что его труд остался обезличенным, что сделанная его руками винтовка осталась безымянной. Здесь говорило опять-таки не личное честолюбие, а боль за умаление царским правительством достоинства русской техники, за его неверие в способность русских людей самим создавать своё оружие, а не покупать его у иностранцев.

Царские генералы сделали всё, чтобы умалить работу Мосина, но всё же они должны были считаться с общественным мнением, которое было возмущено таким отношением к русскому конструктору.

21 августа 1891 года полковник Мосин представил из Тулы через главное артиллерийское управление свою винтовку для соискания большой Михайловской премии, приложив чертежи и

краткое описание устройства и правил обращения с винтовкой (она затем поступила в музей Артиллерийской академии).

25 ноября 1891 года полковнику Мосину была присуждена большая Михайловская премия, выдаваемая один раз в пять лет «за разработанный им образец трёхлинейной винтовки пачечной системы (трёхлинейной винтовки образца 1891 года)».

Это, несомненно, доставило конструктору большое моральное удовлетворение, тем более, что в военно-технических кругах его винтовку (правда, не официально) всё же называли «мосинским ружьём». В тех изданиях, которые выходили в Туле, где память о Мосине и его работе долго была свежа, трёхлинейная винтовка неизменно именовалась «винтовкой капитана Мосина».

14 декабря 1891 года была утверждена трёхлинейная винтовка драгунского образца. Мосин успешно завершил свой многолетний труд. Теперь ему предстояла новая, не менее упорная работа по организации производства трёхлинейной винтовки на отечественных заводах, чтобы избавить Россию от кабальной зависимости со стороны заграницы в изготовлении оружия.

IV. Организация производства винтовки (1891–1897 годы). Последние годы жизни (1897–1902 годы)

Создав русскую трёхлинейную винтовку, Мосин немедленно приступил к организации её производства. Он был не только конструктором, но и широко образованным инженером-технологом, за долгие годы работы на заводе получившим огромный практический опыт. Мосин хорошо понимал, что основой массового производства оружия является взаимозаменяемость деталей, и лично руководил разработкой чертежей и лекал для винтовки. Ему пришлось затратить немало сил для того, чтобы по-настоящему наладить это дело.

Как вспоминал впоследствии один из ближайших сотрудников С.И. Мосина — И.А. Пастухов, уточнение чертежей на винтовку было поручено командированной в Тулу специальной комиссии полковника Сокерина. «Когда приступили к окончательной копировке чертежей, — вспоминает Пастухов, — на первом же листе Сокерин вычеркнул всем знакомую надпись „Винтовка капитана Мосина“. Это поразило ближайших сотрудников Мосина».

Комиссия, несмотря на протесты Мосина, настолько «ужесточила» (уменьшила) допуски на детали, что освоение винтовки весьма осложнилось. Лишь несколько позднее (в 1893 г.), при деятельном содействии Мосина, удалось добиться расширения допусков. Начальник завода, по настоянию Мосина, представил военному министерству несколько десятков винтовок, чтобы показать, что расширение допусков повысило качество сборки и ускорило производство, только тогда были разрешены необходимые изменения.

В ходе работ стало очевидным, что только сам конструктор винтовки может успешно разрешить все возникающие технические вопросы организации производства. Теперь, когда предстояло переходить к массовому производству винтовки, было необходимо в кратчайший срок разработать лекала. В октябре 1891 года главное артиллерийское управление, создав особую комиссию по устройству лекал к винтовке образца 1891 года, возложило общее руководство её работами на Мосина составлением его в основной должности председателя приёмной комиссии в Туле. Предстояло изготовить серии лекал и шаблонов,

более сложных и большей точности, чем для винтовки Бердана. Усиленные работы должны были вестись в инструментальном отделе патронного завода в Петербурге, куда был вызван из Тулы Мосин. На работы было ассигновано до 30 тысяч рублей.

Мосину пришлось встретиться с существенными трудностями. Первоначально лекала проектировались в расчёте на однозарядную винтовку; теперь 80 процентов из них были непригодны, а прочие требовали переделки. По справедливому отзыву современников, инструментальный отдел «по точности исполненных им работ опередил все подобные мастерские в Европе и Америке», однако для срочного выполнения предстоявших заказов недоставало рабочих.

Мосин, всегда высоко ценивший искусство тульских оружейников, поставил перед главным артиллерийским управлением вопрос о немедленном вызове в Петербург лучших мастеров из Тулы. В конце октября 1891 года уже приступили к работе в инструментальном отделе туляки: токари Александр Милованов и Андрей Новиков, слесари Василий Кривцов, Василий Земцов, Андрей Шпанов, Федор Кудрявцев и Михаил Маслов, ложевщик Петр Моисеев. Тульские оружейники, помогавшие Мосину в осуществлении его изобретения, теперь способствовали скорейшей организации массового производства винтовки.

Возглавляя эту ответственнейшую работу, Мосин действовал с исключительной энергией, инициативой, оперативностью. Он тщательно следил за работами по проектированию лекал, на ходу исправляя ошибки и недостатки, действуя с подлинным творческим огнём. «Задержите, пожалуйста, — писал он 20 ноября 1891 года делопроизводителю исполнительной комиссии, — отправку чертежей изменённого затвора и замочной трубки. По рассмотрении этих чертежей в них оказалось много неверности. Через неделю-две мною будут представлены окончательные чертежи затвора и замочной трубки».

Так, Мосин, лично контролируя ход работ, проявляя неизменную требовательность к себе и другим, добился крупных успехов. К концу декабря была уже спроектирована большая часть лекал.

Чтобы правильно оценить значение работы по проектированию и изготовлению лекал, организованной Мосиным на русских заводах силами русских мастеров, следует напомнить, что лекала для винтовки Бердана № 1 изготовлялись американским заводом Кольта, а для Бердана № 2 — в Англии, причём на очень невыгодных условиях: стоимость лекал была чрезвычайно высока. Работы Мосина решительно избавляли

отечественные оружейные заводы от какой-либо иностранной зависимости в отношении лекального хозяйства, давали огромный производственный опыт на будущее, не говоря уже о сбережении крупных государственных средств.

По подсчету полковника Буняковского, занимавшегося лекальным делом в главном артиллерийском управлении, правильно организованное лекальное хозяйство при изготовлении от двух до четырёх миллионов винтовок должно было давать ежегодно 7–8 миллионов рублей экономии за счёт сокращения слесарных работ по отладке винтовок и т. п.

Наряду с вопросами лекального хозяйства Мосин занимался организацией производства винтовки. 27 марта 1892 года Мосин был командирован на Тульский оружейный завод «для разъяснения различных вопросов по выделке и приёму трехлинейной винтовки». Винтовка с № 1 и сейчас хранится в заводском музее оружия. Одновременно он продолжал конструкторскую работу, разрабатывая шестизарядный револьвер, который, однако, не был им закончен.

До нас дошли интересные материалы, характеризующие некоторые черты технического творчества Мосина: его пометки на переписке по техническим вопросам, которую он вёл как председатель приёмной комиссии на Тульском заводе с его начальником.

В этих пометках Мосин выступает противником всякой косности, неутомимым поборником нового. Однажды по поводу ссылки завода при браке на последний чертеж обоймы, утверждённой начальством, он помечает на полях: «который необходимо изменить для лучшего заряжания». Требования повседневного опыта имели для него первостепенное значение в деле повышения боевых качеств винтовки.

В подходе к решениям технических вопросов ярко проявляются и такие личные качества Мосина, как принципиальность и прямота. В интересах дела он смело отстаивает свою точку зрения. Например, в связи с протестами Тульского оружейного завода против высоких требований при испытании грузом боевой личинки, который, по расчёту завода, «превышает предел прочности», Мосин замечает: «Расчёты, приведённые ниже, неверны… Совершенно излишние опасения, так как опыт подтверждает совершенно обратное». Здесь ярко проявляется свойственное Мосину во всей его деятельности умение сочетать теорию и практику, осторожное отношение ко всякого рода отвлечённым «кабинетным» расчётам, глубокое, всестороннее знание производственного процесса.

Неустанно работая над своей винтовкой, Мосин настойчиво

добивался высокого качества изготовления деталей, требуя точности работы, строгого соблюдения размеров чертежей и технических условий. «На основании какого разрешения глубина выема в зубце отражателя сделана более чем показано?» — запрашивает Мосин Тульский оружейный завод в связи с допущенным отступлением от чертежа.

К 31 октября 1892 года под руководством Мосина уже были составлены полные атласы чертежей деталей винтовки, лекал и приборов.

Составленные под руководством Мосина чертежи деталей винтовки, лекал и шаблонов к ним обеспечили полную взаимозаменяемость деталей и высокое качество русской винтовки. Работы Мосина и руководимой им комиссии, выполненные в очень жесткий срок, имели большое влияние на темп освоения оружейными заводами нового для них производства.

Производство винтовок в Туле развернулось весьма успешно.

Массовый выпуск мосинских винтовок способствовал росту культуры нашего оружейного производства, введению машинной техники и новых высокопроизводительных методов работы на смену прежнему ручному мастерству.

Мосин явился родоначальником целой школы русских конструкторов стрелкового оружия. Одни из них начали работу под его непосредственным руководством в личном общении с ним, для других упорный и самоотверженный труд конструктора на благо Родины являлся вдохновляющим примером.

Работавший вместе с Мосиным в качестве чертёжника по разработке винтовки И.А. Пастухов впоследствии сам стал крупным конструктором. Он вместе с П.П. Третьяковым и И.А. Судаковым организовал в Туле производство пулемёта Максима и создал оригинальную русскую конструкцию облегчённого пулемета, который по своим качествам далеко превосходил все существующие подобные пулемёты за рубежом.

Капитан А.К. Залюбовский, долголетний сотрудник Мосина в качестве помощника начальника инструментальной мастерской Тульского завода, содействовал Мосину в ходе испытаний и окончательной отладки его винтовки. Затем он работал с Мосиным в комиссии по изготовлению лекал.

Основатель русской школы конструирования автоматического оружия, создатель первого в мире автомата, действительный член Академии артиллерийских наук, генерал-лейтенант В.Г. Федоров, вспоминая о начале своей деятельности, говорил: «Я горжусь практической работой на оружейном заводе под руководствам Мосина».

В статье «Изобретатель русской винтовки», опубликованной в «Красной звезде», В.Г. Федоров пишет:

«Жизнь и работа выдающегося изобретателя С.И. Мосина — большой и трудный подвиг русского патриота, сумевшего пробить дорогу своему детищу — трехлинейной винтовке вопреки низкопоклонству перед заграницей, которое было свойственно господствующим классам царской России. Хотя С.И. Мосин и получил к концу своей жизни чин генерала, его изобретательский путь был тернистым и трудным.

В молодости автор этих строк имел честь работать под руководством С.И. Мосина на Сестрорецком заводе, правда, непродолжительное время, причём в качестве практиканта, прибывшего сюда летом 1898 года с группой молодых офицеров — слушателей Михайловской артиллерийской академии.

Нас встречал лично Мосин. Помню его высокую, широкоплечую фигуру, ласковое обращение к нам — новичкам, желавшим приобщиться к конструкторской работе. Сам С.И. Мосин знакомил молодых офицеров с мастерскими и ходом работ по изготовлению оружия.

Особенно запомнилось пребывание на заводском стрельбище. Здесь мы воочию убедились в том, какой удивительно простой по конструкции является винтовка Мосина и с какой точностью изготовлялись под его руководством калибры — инструменты для проверки деталей. По приказу генерала были разобраны уже отстрелянные и принятые винтовки. Отдельные части их были перемешаны, но, несмотря на это, при сборке они с идеальной точностью подходили одна к другой. Вновь собранные из перепутанных частей винтовки подверглись тут же испытанию. Мы сами по предложению генерала стреляли из них и не обнаружили ни малейших изъянов во взаимодействии частей, кучность была отличной.

Тогда еще нам не был ясен весь сложный путь, который прошло это детище талантливого конструктора. Подробно с историей трёхлинейной винтовки я ознакомился значительно позднее, когда был назначен в оружейный отдел Артиллерийского комитета, где к тому времени работал С.И. Мосин. Только исключительная настойчивость и большой изобретательский талант Мосина дали возможность своевременно получить магазинное оружие, замечательное по конструкции и баллистическим качествам… Всю свою работу по созданию этой винтовки, несмотря на то, что она велась в далеко не совершенной мастерской, Мосин закончил в весьма короткий срок. Основной механизм новой винтовки (затвор с соединительной планкой, магазин и знаменитая отсечка-

отражатель) был целиком разработан Мосиным. Именно в этом механизме и воплотились его многолетние изыскания, которые завершились изобретением самой совершенной в мире винтовки.

…Таковы некоторые подробности истории мосинской винтовки, о которой я узнал, работая в Артиллерийском комитете. Сюда я был назначен в мае 1900 года, довольный тем, что буду работать рядом со знаменитым изобретателем. Генерал Мосин принадлежал к числу таких членов оружейного отдела, которые работали с кипучей энергией. Никто в оружейном отделе так не интересовался, как он, всем, что связано со стрелковым делом. Он особенно внимательно следил за тем, как поставлено это дело в войсках, как хранится оружие, как совершенствуется стрелковая подготовка солдат. К нам, молодым офицерам, работавшим в оружейном отделе, генерал относился всегда с большим участием, видя в нас продолжателей его дела.

В то время шла уже разработка автоматического оружия. Испытывались пулемёты, автоматические пистолеты, а также отдельные образцы автоматических винтовок. Будучи новатором в своей изобретательской работе и обладая чувством нового, С.И. Мосин всемерно поддерживал эти начинания. Вряд ли кто больше, чем он, понимал, какая будущность принадлежит автоматическому оружию.

Всю свою жизнь талантливый русский изобретатель был прежде всего скромным тружеником, всегда искавшим приложения своему пытливому уму.

…Характерной чертой С.И. Мосина была его целеустремлённость, настойчивость в работе. Хотя он был сдержанным и внешне казалось холодным, на самом деле он очень тепло относился ко всем сослуживцам, прежде всего к непосредственным исполнителям его творческих замыслов, невзирая на чины и ранги. Он одинаково тепло, по-дружески относился как к офицерам и чертёжникам, так и к слесарям, требуя всегда одного — упорной, чёткой работы. Несмотря на обиду, нанесённую царскими правителями Мосину, он до конца дней своих работал над любимым делом».

Наш прославленный конструктор, Герой Социалистического Труда В.А. Дегтярев, вспоминая о начале своей работы в Тульском оружейном заводе, с гордостью говорил: «…в те годы мне доводилось не раз видеть Мосина». Рассказы о работе Мосина, о созданной им винтовке помогли тогда юному Дегтяреву полюбить профессию оружейника-конструктора.

Другой наш замечательный конструктор, создатель самозарядной винтовки Герой Социалистического Труда Ф.В. Токарев также связывает свою деятельность с трудами С.И.

Мосина, рассматривая себя как продолжателя начатого им дела.

«С винтовкой Мосина, — вспоминал впоследствии Токарев, — по-настоящему, близко я познакомился только в 1903 году… Винтовка была безымянной… Краткую биографию Мосина я узнал позднее, в Ораниенбаумской стрелковой школе в 1908 году, просматривая „Оружейные сборники“… Тогда у меня окончательно оформилась мысль: сконструировать автоматическое ружьё новой системы. Этой задаче я и посвятил всю мою жизнь».

Таким образом, виднейшие представители русского оружейного дела заслуженно видели в Мосине основоположника дела конструирования отечественного оружия, а себя рассматривали как его продолжателей.

* * *

Деятельность Мосина по организации производства винтовки в Туле успешно подходила к концу. 21 апреля 1894 года Мосин был назначен исполняющим должность начальника Сестрорецкого завода. Военное министерство признало целесообразным иметь знаменитого конструктора ближе к столице.

Вместе со своей женой В.Н. Арсеньевой (родственницей знаменитого писателя И.С. Тургенева) Мосин навсегда покинул Тулу. Среди его ближайших сотрудников и рабочих надолго сохранилась добрая память об этом простом, отзывчивом, прямом человеке.

В декабре 1894 года последовало назначение Мосина совещательным членом артиллерийского комитета главного артиллерийского управления, что явилось признанием его высокого авторитета в специальных вопросах оружейного дела.

Вскоре деятельность Мосина была отмечена в широких военных кругах.

В ноябре 1895 года торжественно праздновалось пятидесятилетие Воронежского кадетского корпуса, где Мосин получил свое первоначальное образование.

8 ноября на торжественном юбилейном заседании Мосин поднёс в дар кадетскому корпусу изобретённую им винтовку и, обращаясь к собравшимся, сказал: «Передавая ружьё, приготовленное во вверенном мне Сестрорецком заводе, я прошу принять его от меня… в знак моей глубокой признательности к заведению, в котором я получил первоначальное свое образование. Я несказанно счастлив, что лично могу преподнести

в дар *изобретённое* мною ружьё».

Эти простые, идущие от сердца слова нашли горячий отклик среди присутствующих. Собравшиеся офицеры, бывшие воспитанники корпуса, восторженно приветствовали изобретателя.

Начальник военно-учебных заведений, приветствуя Мосина от лица присутствующих, отметил высокое качество его винтовки.

Торжества в Воронеже дали Мосину возможность «впервые почувствовать гордость общественного признания своих заслуг». Это доставило ему большое моральное удовлетворение и вдохновило на дальнейшую работу.

В Сестрорецке, в небольшом старом доме начальника завода (сейчас клуб завода имени Воскова), расположенном поблизости от заводских корпусов, Мосин жил со своей семьей. Мосин с присущей ему энергией руководил большой работой завода.

Ближайшей задачей Мосина была организация производства его винтовки на Сестрорецком заводе. Здесь, как и в Туле, Мосин опирался на местных мастеров-оружейников этого старейшего завода, созданного еще Петром I в 1721 году.

Заслуженным уважением среди рабочих инструментального завода имени Воскова (бывшего Сестрорецкого оружейного) всегда пользовались те старые рабочие, ветераны производства, которые когда-то работали над изготовлением первой массовой партии трёхлинейной винтовки под непосредственным руководством С.И. Мосина. Это были М.Д. Щукин, Н.Е. Романов, В.Г. Фирфаров, И.А. Федотов, И.И. Соколов, Ф.Ф. Карелин, И.К. Фирфаров, В.О. Викман, А.М. Кочерегин, А.А. Васильев, Н.И. Перфильев.

Первая винтовка массового производства Сестрорецкого завода в связи с пятидесятилетием её изобретения была передана рабочими завода Ленинградскому артиллерийскому историческому музею, в экспозиции которого находится и сейчас.

Мосин тщательно следил за организацией и ходом производства, которое благодаря его усилиям было поставлено образцово. Как вспоминает генерал-лейтенант В.Г. Федоров, лично знавший его в те годы, Мосин заслуженно гордился блестящей организацией дела и качеством изготовляемого оружия. Работы по производству трёхлинейной винтовки выдвинули Сестрорецкий завод в число передовых предприятий.

Хорошо понимая огромное значение обеспечения полной взаимозаменяемости деталей, Мосин уделял большое внимание организации на заводе лекального хозяйства. По настоянию Мосина инструментальный отдел был переведён из Петербургского трубочного завода в Сестрорецк. Здесь

развернулось производство необходимых лекал, шаблонов, которыми завод обеспечивал в то время все другие предприятия артиллерийского ведомства. Лекальная мастерская была любимым детищем Мосина. Изготовление лекал, организованное Мосиным, несомненно, способствовало дальнейшему развитию навыков в точных работах, которыми и сейчас славится Сестрорецкий завод имени Воскова.

Развертывавшееся производство трёхлинейной винтовки потребовало значительного переустройства завода. Под руководством Мосина была проведена реконструкция гидротехнических сооружений, использована электрическая энергия.

Выдающуюся роль Мосина в деле укрепления боеспособности русской армии должно было признать даже царское правительство. За труды по перевооружению армии Мосину в 1897 году было объявлено «особое благоволение» и выдана денежная награда.

9 апреля 1900 года С.И. Мосин был произведён «за отличие по службе» в генерал-майоры с утверждением в должности начальника завода. Мосин продолжал руководить заводом, оставаясь таким же, как и прежде, неутомимым, требовательным, но простым и отзывчивым к окружающим.

Производство его винтовки было образцово освоено русскими заводами. На Всемирной Парижской выставке 1900 года даже враждебные интересам России иностранцы должны были признать мосинскую винтовку (наряду с другой продукцией русских оружейных заводов) достойной высшей награды.

Когда перевооружение русской армии трёхлинейной винтовкой подходило к концу, главное артиллерийское управление решило провести на Сестрорецком заводе сокращение рабочих. Мосин понимал значение для оружейного дела старых квалифицированных кадров и проявлял о них заботу.

В особом рапорте главному артиллерийскому управлению в 1902 году Мосин писал: «Вследствие малого наряда винтовок на 1902 год число рабочих придётся сократить ещё человек на 250–300. Главному артиллерийскому управлению известно, что сестрорецкие оружейники исключительно существуют заработком на оружейном заводе. При отсутствии в селе кустарного промысла и сельского хозяйства всякое уменьшение работ в заводе сейчас же отражается на их заработке и начинает вызывать нужду. Как, следовательно, трудно сестрорецкому оружейнику пережить то время, когда он в заводе не имеет никакого заработка.

Чтобы облегчить положение сестрорецких оружейников,

остающихся без дела за сокращением работ в заводе, прошу главное артиллерийское управление рекомендовать орудийному и трубочному заводам брать их к себе на работу. Названные заводы по случаю предстоящих усиленных работ будут увеличивать и число рабочих. В этом случае оставшиеся без работы… были бы очень полезны тем заводам, так как с лице их заводы имели бы уже вполне опытных рабочих…».

Мосин настойчиво стремился подготовить новых специалистов, вооружить их глубокими практическими знаниями. Генерал-лейтенант В.Г. Федоров в качестве слушателя артиллерийской академии, в 1898 году проходивший производственную практику на Сестрорецком заводе, говорит: «Мосин заставлял нас глубоко вникать в сущность производственных процессов, серьезно знакомиться с технологией, заниматься кропотливым изучением рабочих чертежей, заставлял проставлять на размерах определённые допуски, изучать проектирование калибров. Одним словом, мы работали как самые настоящие техники и инженеры, забыв о том, что на наших плечах красуются погоны. Это было нечто новое. Далеко не повсюду, к сожалению, молодые офицеры проходили такую хорошую производственную школу».

Здесь ярко отмечены уже знакомые нам черты, свойственные техническому творчеству Мосина; глубокое понимание неразрывной связи теории и практики, смелое новаторство в методах технической подготовки.

Наряду с руководством заводом Мосин работал и в артиллерийском комитете. «Мосин редко принимал участие в прениях. Он выглядел замкнутым, мало разговорчивым человеком», но с глубочайшим вниманием знакомился с материалами офицеров, осматривавших оружие, где отмечались отдельные недостатки его винтовки. Он не переставал думать о её дальнейшем усовершенствовании на основе боевого опыта. Мосин обладал обширными техническими знаниями и огромным практическим опытом. Он ясно представлял себе широкие перспективы дальнейшего развития оружейного дела. Его пристальное внимание привлекало автоматическое оружие, в то время еще только зарождавшееся.

«Не было ни одного серьёзного вопроса в области нашей работы, — говорит генерал-лейтенант В.Г. Федоров, — которым бы не интересовался самым живейшим образом талантливый конструктор. И всё-таки сразу же бросилось в глаза, что в отношениях между членами оружейного отдела и гениальным конструктором русской трёхлинейной винтовки чувствовалась какая-то странная, на первый взгляд, необъяснимая холодность».

Несомненно, Мосин не мог забыть, что многие из заседавших с ним теперь за одним столом членов артиллерийского комитета способствовали обезличению его винтовки. Но, несмотря на горечь незаслуженной обиды, Мосин по-прежнему отдавал все свои силы любимому делу.

В середине января 1902 года Мосин простудился, но не обратил на это внимания. Болезнь обострилась и вынудила слечь в постель. Состояние его в короткий срок резко ухудшилось. 26 января 1902 года около четырёх часов дня С.И. Мосин скончался от крупозного воспаления легких. Не стало замечательного русского конструктора, всю жизнь самоотверженно служившего Родине.

Мосина похоронили в Сестрорецке. В печальной процессии, кроме родных и офицеров-сослуживцев, участвовала масса заводских рабочих, искренне сожалевших о кончине Мосина. Поблескивая под скупым зимним солнцем вместе с офицерской шашкой, на крышке гроба лежала трёхлинейная винтовка, напоминая о заслугах Сергея Ивановича Мосина перед родиной.

Воздух потряс оружейный салют — последняя воинская почесть. Прах опустили в могилу.

Смерть Мосина была встречена полным равнодушием со стороны правящих кругов царской России, издавна привыкших не замечать и не признавать отечественные таланты. Официальные издания обошли смерть Мосина молчанием. В правящих царских кругах не было сказано ни одного теплого слова, посвященного памяти замечательного русского конструктора. Только журналы «Оружейный сборник», «Нива» поместили статьи о смерти Мосина.

Журнал «Нива» подчеркивал, что благодаря трудам Мосина явилась возможность иметь своё собственное ружьё, «сделанное на русских заводах, под руководством русских техников, русскими рабочими». Этот широко распространённый в то время журнал правильно отметил высокие заслуги Мосина и выступил против умаления правящими кругами его изобретения, отстаивая национальное достоинство России и права русских людей на самостоятельное техническое творчество в оружейном деле.

Светлую память о Мосине, изобретателе и человеке, бережно сохранили его сотрудники. 11 февраля 1902 года работники Сестрорецкого оружейного завода, собравшись на общее собрание, постановили возбудить ходатайство «об испрошении высочайшего соизволения на открытие добровольной подписки в войсках для собрания капитала, имеющего целью увековечить имя генерал-майора Мосина». Но военный министр генерал Банковский решительно отклонил это ходатайство. Было

разрешено лишь поставить портрет Мосина в зале завода и составить капитал в… 500 рублей для выдачи премии его имени. Как это обычно бывало в царской России, память о русских изобретателях обрекалась на забвение.

Но светлая память о Мосине жила вместе с созданной им винтовкой. Этой винтовкой русская армия была вооружена во время русско-японской войны, с этой винтовкой воевала русская пехота во время первой мировой войны 1914–1918 годов. Вооружённая этой винтовкой, Советская Армия разгромила белогвардейцев и интервентов во время гражданской войны 1918–1920 годов; безотказно служила эта винтовка (наряду с другими новейшими образцами оружия) Советской Армии в Великую Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков.

За этот долгий период своей службы, какого не имела ещё ни одна винтовка за границей, наша винтовка подверглась лишь незначительной модернизации (обновлению).

Эта модернизация мосинской винтовки, проведённая в 1930 году (отсюда и наименование «7,62-мм винтовка обр. 1891/1930 гг.»), выразилась в некоторых изменениях, в основном связанных с технологией нового производственного процесса. Для более прочного крепления штыка принята новая защёлка, ступенчато-рамочный прицел заменён секторным, мушка защищена предохранителем (намушником) от случайных ударов, внесены мелкие изменения в отдельные детали. Для облегчения заряжания применена новая обойма с пластинчатой пружиной, как это когда-то предлагал сделать сам Мосин. Все эти усовершенствования сделали нашу русскую винтовку самой лучшей магазинной винтовкой в мире.

Воины нашей Советской армии твёрдо помнят приказ товарища Сталина: «…Учиться военному делу, учиться настойчиво, изучить в совершенстве своё оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка». Наши воины неустанно совершенствуют своё боевое мастерство.

Замечательная мосинская винтовка в умелых руках советских людей даёт блестящие показатели в стрельбе. Лучшим памятником С.И. Мосину являются всё более и более высокие результаты в стрельбе наших снайперов, стрелков и спортсменов, вооружённых винтовками и карабинами его конструкции.

Заключение

Замечательный русский конструктор Сергей Иванович Мосин занимает видное место среди деятелей русской науки и техники.

Мосин — ученик виднейших русских учёных-артиллеристов — был человеком замечательных способностей и дарований. Он обладал глубоким и ясным умом, имел обширные специальные познания и до конца своих дней работал с неиссякаемой энергией. Характерными особенностями его технического творчества было критическое отношение к собственному труду, настойчивость, замечательное чувство нового, способность ясно понимать перспективы развития оружейного дела.

Мосин вступил на трудный путь конструктора оружия в то время, когда в русской технике было засилье иностранцев и правящие круги царской России не верили в силы и способности отечественных конструкторов. Не щадя сил, он смело шёл по непроторённым путям, неутомимо отыскивал новые технические решения.

Благородное стремление отдать родине все силы и знания вдохновляло Мосина в упорной борьбе с раболепствовавшими перед иностранцами правящими кругами царской России, с заграничными дельцами, с косными службистами. Мосин бескорыстно трудился для блага родной страны, с негодованием отвергая и лесть, и подачки иностранцев. Мосин был чужд дворянской спеси и кастовых предрассудков царской офицерской среды. Он горячо верил в свой родной народ, столь богатый замечательными талантами. Мосин высоко ценил одарённость русских людей в лице тех опытных оружейников-мастеров, которые и в Туле и в Сестрорецке помогали осуществлять его творческие замыслы.

В работах Мосина, как и в трудах других замечательных его современников, ярко проявляются всегда превосходившие Европу и Америку основные черты русской технической мысли: новаторство, смелость, проникновенная гениальная простота.

Мосину была свойственна исключительная смелость технических решений в сочетании с замечательной простотой и конструктивной целесообразностью. Вспомним, как блестяще разрешил он вопрос о подаче патронов введением отсечки-отражателя. Созданная им винтовка, как это должны были признать даже сами иностранцы, далеко опередила все существовавшие тогда заграничные образцы.

Мосин в своей конструкторской деятельности шёл, несомненно, впереди всех современных ему русских и

иностранных конструкторов стрелкового оружия, выдвигая и решая новые вопросы.

Смелые конструктивные решения были продиктованы Мосину не только проникновенной мыслью конструктора, но и глубоким знанием заводской практики. Длительная работа на Тульском оружейном заводе, умение вникать во все детали производства при широком общетехническом кругозоре сделали Мосина выдающимся знатоком технологии оружейного производства. Мосин еще в процессе конструкторской разработки своей винтовки в значительной степени представлял себе и условия технологического процесса и самую организацию заводской выработки. Это дало возможность сделать винтовку простой и экономичной для освоения на русских заводах.

Мосин самостоятельно создал первую русскую магазинную винтовку и тем самым устранил зависимость России от различных иностранных образцов. Он сделал всё для того, чтобы обеспечить производство винтовки на отечественных заводах и тем устранить опасную для обороны страны зависимость от заграницы в деле снабжения оружием.

«Заслуги Мосина перед Родиной велики. Он дал русской армии надежную и меткую винтовку, со славой прошедшую испытания многих битв», — говорит президент Академии артиллерийских наук, академик, генерал-лейтенант А.А. Благонравов.

Мосин не был изобретателем-одиночкой, который отгораживался от людей и ревниво хранил свои секреты. Он растил новые технические кадры. В самом ходе работ, в непосредственном общении с ним выросли многие известные впоследствии талантливые русские оружейники. Именно с Мосина ведёт своё начало славная школа замечательных русских конструкторов-оружейников, которая, продолжая его дело, двинула вперёд нашу оружейную технику, обогатила её многими замечательными достижениями.

В царской России у русских конструкторов — продолжателей дела Мосина — не было достаточных возможностей для творчества. Выдающимся, конструкторам В.Г. Федорову, В.А. Дегтяреву, Ф.В. Токареву и многим другим приходилось упорно бороться против равнодушия и неверия правящих кругов, против их постоянного преклонения перед иностранщиной.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, совершённая под руководством партии большевиков и её гениальных вождей Ленина и Сталина, освободила нашу, страну от господства капиталистов и помещиков.

Являясь началом новой эры в истории человечества, Великая

Октябрьская социалистическая революция положила начало и новой эры в развитии русской техники. Наша техника стала социалистической, подлинно народной, направленной на процветание нашей великой Родины, укрепление её обороноспособности, движение вперёд к коммунизму.

Партия и правительство создали невиданные ранее возможности для творческой деятельности во всех областях науки и техники. Наши славные советские конструкторы стрелкового оружия, вдохновлённые животворной силой советского патриотизма, вооружённые мудрыми указаниями товарища Сталина и самой передовой техникой в мире, успешно продолжают дело совершенствования нашего непобедимого оружия, дело, в которое Сергей Иванович Мосин внёс свой неоценимый вклад.

Славные советские конструкторы дали нашей армии самые совершенные и самые надёжные образцы нового грозного для врагов нашей социалистической Родины боевого оружия. Наш конструктор-оружейник Василий Алексеевич Дегтярёв, начинавший свою работу под руководством основоположника русской автоматики В.Г. Федорова, создал по заданию М.В. Фрунзе ручной пулемёт ДП — «Дегтярёв — пехотный». Основы конструкции этого пулемёта остались непревзойдёнными до сих пор. В дальнейшем Дегтярёв создал крупнокалиберный пулемёт, пистолет-пулемёт ППД, пользующиеся широкой известностью в армии и любовью наших солдат. Дегтярёв вместе с Г.С. Шпагиным создал мощный зенитный пулемёт.

Другой (выдающийся наш конструктор Федор Васильевич Токарев создал пистолет ТТ (Тула — Токарев) обр. 1930/1933 гг., разборка и сборка которого не требуют никаких инструментов, самозарядную винтовку обр. 1940 г. СВТ, с успехом служившую нашим войскам в борьбе с белофиннами и в годы Великой Отечественной войны.

В области авиационного вооружения новые образцы создали Б.Г. Шпитальный, А.А. Волков, С.А. Ярцев и многие другие.

Новые научные основы проектирования автоматического оружия были разработаны академиком, генерал-лейтенантом А.А. Благонравовым, удостоенным за этот труд высокого звания лауреата Сталинской премии.

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков поставила перед нашими конструкторами-оружейниками новые большие задачи. Было необходимо в кратчайший срок дать в руки наших солдат новое, ещё более грозное оружие, способное подавить и сломить боевую технику врага.

В труднейших условиях первых лет войны советские конструкторы неустанно трудились для нашей победы. Например, осенью 1941 года В.А. Дегтярёв и С.Г. Симонов в исключительно короткий срок сконструировали простые и мощные противотанковые ружья ПТРД и ПТРС, по своим боевым качествам образцовые для данного типа оружия.

В условиях Великой Отечественной войны особенно возросло значение пистолетов-пулемётов (автоматов). Наши конструкторы Г.С.Шпагин и А.И.Судаев создали замечательные новые образцы автоматов, обладающих высокой огневой мощью.

Под руководством В.А. Дегтярёва конструктор Горюнов создал новый образец станкового пулемёта.

В новых образцах оружия, созданных нашими конструкторами в годы Великой Отечественной войны, отражены смелое новаторство, свойственное нашим советским людям, изумительная находчивость в сложнейших технических решениях, совершенство конструкторской отработки при максимальной простоте и надежности самих конструкций.

Наш великий вождь товарищ Сталин высоко оценил труд советских конструкторов-оружейников. В докладе 6 ноября 1944 года И.В. Сталин сказал: «Что касается качества нашей боевой техники, то в этом отношении она намного превосходит вооружение врага». Советское правительство достойно отметило заслуги наших конструкторов в создании образцов оружия для Советской Армии. Звания лауреатов Сталинской премии были удостоены: В.А. Дегтярёв, Ф.В. Токарев, Г.С. Шпагин, С.Г. Симонов, М.М. Горюнов, Б.Г. Шпитальный, С.В. Владимиров, А.А. Волков, С.А. Ярцев и другие.

В годы Великой Отечественной войны, продолжая дело, начатое С.И. Мосиным, наши советские конструкторы дали стране новые, самые совершенные, лучшие в мире образцы грозного боевого оружия, с честью оправдавшие себя в боях. Но наряду с ними в качестве основного оружия пехоты по-прежнему верно служила наша русская винтовка.

На фронтах Великой Отечественной войны советские воины прославили оружие, созданное советскими конструкторами. Великая Отечественная война ещё раз подтвердила превосходство советского оружия над иностранным. Война показала силу советской военной техники и способность нашей социалистической промышленности создавать оружие, оставляющее далеко позади лучшие заграничные образцы.

Ни в одной стране учёные и изобретатели не окружены такой заботой и вниманием, как у нас. Лучшие работы советских учёных и конструкторов ежегодно отмечаются Сталинскими премиями.

Ощущая повседневную заботу партии и правительства, великого Сталина, советские учёные и конструкторы с честью решают задачи по созданию первоклассной боевой техники.

Советский народ, руководимый партией Ленина — Сталина, создал самую передовую науку и технику, воспитал многих выдающихся учёных и конструкторов, которые прославляют социалистическую Родину своими изобретениями и научными открытиями. Вместе с тем советские люди свято чтут память корифеев отечественной науки и техники, талантливых конструкторов, изобретателей, живших и творивших в тяжёлую дореволюционную пору. Мы воздаем им славу. И среди них почётное место занимает талантливый русский инженер — изобретатель винтовки С.И. Мосин.

Только в стране победившего социализма, где свободный советский народ высоко ценит своих выдающихся людей, труд замечательного русского изобретателя Сергея Ивановича Мосина получил заслуженное признание. Столетие со дня его рождения (в 1949 году) было широко отмечено правительством и советской общественностью. Совет Министров Союза ССР постановил поставить памятник-бюст С.И. Мосина в Туле, установить мемориальные (памятные) доски на домах, в которых он жил и работал в Туле и Сестрорецке. Его имя присвоено Тульскому машиностроительному техникуму и одной из улиц Тулы. В Тульском механическом институте установлены стипендии Мосина.

В воинских частях, военных и специальных учебных заведениях, на заводах, фабриках и учреждениях страны были проведены беседы о жизни и деятельности С.И. Мосина. Академия артиллерийских наук, Артиллерийский музей, партийные и общественные организации Тулы и Сестрорецка почтили его память торжественными заседаниями.

Ленинградский артиллерийский музей и Тульский музей оружия организовали выставки, где демонстрировались опытные образцы мосинских винтовок и документы о жизни и деятельности славного русского оружейника.

Трудящиеся нашей страны, вдохновляемые великими идеями Ленина — Сталина, движимые благородным чувством советского патриотизма, добились выдающихся успехов в выполнении послевоенной сталинской пятилетки и уверенно идут по пути коммунизма. Занятый строительством коммунизма, советский народ не забывает об опасности новой войны, которую хотят развязать правящие круги США. Советское правительство, выражая коренные интересы народов Советского Союза, настойчиво проводит политику мира и дружбы между народами и

решительно разоблачает поджигателей войны. Советская Армия бдительно стоит на страже мирного созидательного труда и государственных интересов нашей социалистической Родины. В послевоенные годы командный и рядовой состав Советской Армии и Военно-Морского Флота непрерывно совершенствует свою боевую и политическую подготовку, овладевает новой военной техникой, которую даёт вооружённым силам социалистическая промышленность. Советская Армия является грозой для всякого рода агрессоров и претендентов на мировое господство. Советский народ может положиться на свою славную армию. Советские люди уверены в том, что если империалисты развяжут новую войну против нашей миролюбивой страны, то Советская Армия наголову разгромит любого агрессора. И наряду с самой совершенной в мире военной техникой, которой вооружил советский народ свою Армию, ей по-прежнему служит испытанная во многих боях славная русская трёхлинейная винтовка Сергея Ивановича Мосина.

Список основных источников, использованных в работе над брошюрой

Архив Артиллерийского исторического музея Академии артиллерийских наук (Ленинград): оп 46 д. 542; оп. 48/1 д.д. 26, 29, 34, 37, 40, 53, 108.

Центральный Государственный Военно-исторический архив (Москва): ф. 310 д.д. 764, 2863; ф. 516 оп. 3 д. 121.

Ленинградский Государственный областной исторический архив: отд. 1 ф. 1290, д. 5223.

Воронежский Государственный областной архив: ф. двор. собр. д. 119.

Благонравов А.А., ген. — лейт., Сергей Иванович Мосин, сб. «Люди русской науки», т. 2, М. — Л. 1948.

Федоров В. Эволюция стрелкового оружия, т. 1, М. 1938.

Федоров В. проф. Наша винтовка, «Новый мир», 1941, № 5.

Федоров В. дейст. член АН, ген. — лейт. Изобретатель русской винтовки, «Красная звезда», 1949, № 98.